

МОРИС

ЛЕБЛАН

АРСЕН ЛЮПЕН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Морис Леблан

Арсен Люпен

«Издательство АСТ»

1907, 1919

УДК 821.131.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Арсен Люпен / М. Леблан — «Издательство АСТ», 1907,
1919 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-144820-2

Кто похитил бесценное кольцо, принадлежавшее некогда французской королеве? Кто способен на равных вступить в схватку с дочерью самого графа Калиостро, унаследовавшей магические способности отца? Кто спасет молодую вдову, которая обречена стать очередной жертвой пугающего поверья о Тридцати Гробах? Кто неизменно оставляет полицию с носом, виртуозно уходя из любых ловушек? Кто в равной степени хорош и в совершении, и в раскрытии преступлений? Разумеется, он – Арсен Люпен, вор-джентльмен и талантливый детектив-любитель, мастер перевоплощений, искусный стрелок и фехтовальщик, любимец женщин и блестящий стратег. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.131.1-312.4

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-144820-2

© Леблан М., 1907, 1919

© Издательство АСТ, 1907, 1919

Содержание

Арест Арсена Люпена	5
Арсен Люпен в тюрьме	14
Побег Арсена Люпена	26
Таинственный пассажир	38
Колье королевы	47
Семерка червей	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Морис Леблан Арсен Люпен

Арест Арсена Люпена

Злосчастное плавание! Но как приятно оно началось! Признаться, никогда в жизни ни одно путешествие не сулило мне столько радости. «Прованс» – так назывался наш быстроходный, наш комфортабельный тихоокеанский лайнер. Командовал им милейший из людей. На борту собралось самое изысканное общество. Пассажиры завязывали новые знакомства, придумывали всякие развлечения. Нами овладело несказанно радостное ощущение оторванности от мира; казалось, это не корабль, а необитаемый остров, люди, оказавшись на нем в полной изоляции, неизбежно должны были сблизиться.

И мы сближались...

Думали ли вы когда-нибудь, каким необычным, непредсказуемым может оказаться подобное объединение людей: еще вчера они не знали друг друга, а теперь им предстояло прожить несколько дней в своем узком кругу, между бесконечным пространством неба и бескрайним морем, и вместе бросать вызов разгневанной океанской стихии, выдерживать ужасающий натиск волн и пугающее затишье дремлющих вод?

По сути, это и есть жизнь, но как бы спрессованная в короткое трагическое действо, жизнь с ее необузданными страстями и величием, монотонностью и разнообразием; наверное, именно поэтому люди с такой лихорадочной поспешностью стремятся насладиться коротким путешествием, особенно соблазнительным оттого, что конец его виден уже в начале.

Но в последние несколько лет происходит нечто такое, что придает какую-то странную окраску эмоциям, переживаемым во время рейса. Маленький плавающий остров сохраняет принадлежность тому миру, от которого, казалось, пассажиры освободились. Связь сохраняется, но в открытом океане она вдруг потихоньку ослабевает, а затем, также в открытом океане, понемногу крепнет. Беспроволочный телеграф, зов из другого мира! Ведь новости, поступающие оттуда, передаются таким загадочным способом! Воображение уже не в силах уцепиться за образ проводов, по которым скользит невидимое послание. И загадка кажется совсем неразрешимой, но вместе с тем очень поэтичной, так что для объяснения нового чуда приходится прибегать к сравнению его с крылатым ветром.

Таким образом, в первые часы мы чувствовали, как за нами следует, нас сопровождает, даже опережает далекий голос, время от времени нашептывающий кому-то из нас несколько слов из дальнего далека. Два друга поговорили со мной. Десять-двадцать других послали всем, сквозь разделяющее нас пространство, грустные или веселые прощальные весточки.

Но вот на второй день в пятистах милях от французских берегов, в грозовой послеобеденный час беспроволочный телеграф передал телеграмму следующего содержания:

«На борту вашего судна находится Арсен Люпен, в первом классе, блондин, рана на правой руке, путешествует один, под именем Р...»

И в этот момент сильный удар грома потряс затянутое тучами небо. Произошло замыкание. Конец депеши до нас не дошел. Мы узнали только первую букву имени, под которым скрывался Арсен Люпен.

Если бы речь шла о любой другой новости, ничуть не сомневаюсь: телеграфисты, так же как вахтенный офицер и капитан корабля, скрыли бы эту тайну. Но бывают события, которых

не утаишь даже при самой строгой конспирации. В тот же день, неизвестно каким образом, тайну разгласили, и все узнали, что знаменитый Арсен Люпен плывет на нашем корабле.

Арсен Люпен среди нас! Неуловимый грабитель, о подвигах которого все газеты шумят уже несколько месяцев! Загадочная личность, противник старины Ганимара, объявившего преступнику войну не на жизнь, а на смерть, войну, за ходом которой все следили с таким упоением!

Арсен Люпен, изобретательный грабитель и джентльмен, – он орудовал только в замках и салонах! – однажды ночью проник в особняк барона Шормана, но... ушел с пустыми руками, оставив, правда, визитную карточку, разукрашенную таким текстом: «Арсен Люпен, джентльмен грабитель, вернется, когда мебель будет подлинной». Арсен Люпен – человек с тысячей масок: то он шофер, то тенор, то букмекер, а то... юноша из хорошей семьи, подросток, старик, коммивояжер из Марселя, русский врач, испанский тореадор!

Вы только представьте себе: Арсен Люпен разгуливает по палубам нашего теплохода, по довольно ограниченному пространству, – да что я говорю! – просто по пятачку, отведенному пассажирам первого класса, и в любую минуту может появиться в столовой, в гостиной или курительной комнате! А вдруг вот тот господин и есть Арсен Люпен... или, к примеру, этот... мой сосед по столику или каюте...

– И это будет длиться еще пятеро суток! – воскликнула на следующий день мисс Нелли Андердаун. – Просто невыносимо! Я очень надеюсь, что его арестуют.

И, обратившись ко мне, спросила:

– Кстати, месье Андреzi, вы ведь уже подружились с капитаном. Вам ничего не известно?

Как бы мне хотелось знать хоть немного, чтобы угодить мисс Нелли! Она была из тех чудных созданий, которые везде, где бы ни находились, сразу оказываются в центре внимания. Их красота в совокупности с богатством ослепляет. У них всегда есть свой двор, поклонники, воздыхатели.

Мисс Нелли выросла в Париже, у матери француженки, а теперь ехала к отцу, богачу Андердауну из Чикаго. Сопровождала ее одна из подруг, леди Джерланд.

С самого начала я решил приударить за мисс Нелли. Но познакомившись поближе, что быстро происходит во время путешествия, был просто очарован; когда ее огромные черные глаза встречались с моими, я чувствовал такое сильное волнение, какого не бывает при обычном флирте.

Кстати, мои знаки внимания она принимала довольно благосклонно. Удостаивала улыбкой мои остроты и с интересом выслушивала анекдоты. Казалось, легкая симпатия была ответом на ревностное служение, которое я всячески демонстрировал ей.

Пожалуй, лишь один соперник мог внушать мне опасения: это был довольно привлекательный, элегантный и сдержанный молодой человек, чью молчаливую сосредоточенность она, судя по всему, предпочитала моим парижским манерам, рассчитанным скорее на внешний эффект.

Когда мисс Нелли задала мне свой вопрос, молодой человек тоже находился среди окружающих ее воздыхателей. Мы сидели на палубе, удобно расположившись в креслах. Небо очистилось после вчерашней грозы. Погода была восхитительной.

– Ничего определенного я не знаю, мадемуазель, – ответил я, – но почему бы нам самим не провести расследование, как сделал бы это старина Ганимар, личный враг Арсена Люпена?

– О! Вы слишком самоуверенны!

– Отчего же? Разве это такое трудное дело?

– Очень трудное.

– Но вы забываете о сведениях, которыми мы располагаем для решения проблемы.

– Каких сведений?

– Во-первых, месье Люпен зовется месье Р.

– Довольно неопределенная деталь.
– Во-вторых, он путешествует один.
– Неужели это обстоятельство о чем-то говорит?
– В-третьих, он блондин.
– Ну и что?
– А то, что нам остается только просмотреть список пассажиров и вычеркнуть по очереди тех, кто вне подозрений.

Список этот лежал у меня в кармане. Я достал его и пробежал глазами.

– Прежде всего должен отметить, что на борту только тринадцать человек с инициалами, заслуживающими нашего внимания.

– Только тринадцать?

– В первом классе – да. Из этих тринадцати господ Р. девять, как вы можете убедиться, путешествуют в окружении женщин, детей и прислуги. Остается четверо одиноких пассажиров: маркиз де Равердан...

– Секретарь посольства, – перебила мисс Нелли, – я его знаю.

– Майор Роусон.

– Это мой дядя, – пояснил кто-то.

– Месье Ривольта...

– Здесь... – воскликнул один из присутствующих, итальянец, лицо которого утопало в бороде роскошнейшего черного цвета.

Мисс Нелли расхохоталась.

– Месье не совсем блондин.

– Тогда, – продолжил я, – мы вынуждены заключить, что виновный стоит последним в списке.

– То есть?

– Это месье Розен. Кто-нибудь знает, кто такой месье Розен?

Все молчали. Но мисс Нелли, обратившись к молчаливому молодому человеку, чье настойчивое внимание к ней задевало меня, спросила:

– Ну же, месье Розен, почему вы не отвечаете?

Взгляды присутствующих обратились к нему. Он был белокур.

Признаюсь честно, я почувствовал, как что-то оборвалось у меня внутри. Но смущенное молчание, нависшее над нами, подсказало мне, что и другие свидетели этой сцены испытывали то же ощущение подавленности. Между прочим, все это выглядело абсурдным, ибо в конце-то концов ничто в поведении этого господина не вызывало и тени подозрений.

– Почему я не отвечаю? – произнес он. – Но именно потому, что, сопоставив свое имя, положение одинокого путешественника и цвет волос, я уже провел аналогию и пришел к тому же выводу. Полагаю, меня следует арестовать.

Произнося эти слова, он странно изменился в лице. Его узкие губы, две несгибаемые линии, сузились еще больше и побледнели. Глаза прорезали красные прожилки.

Разумеется, он шутил. Однако его лицо, поза произвели на нас большое впечатление. Мисс Нелли простодушно спросила:

– Но у вас ведь нет раны?

– Действительно, – сказал он, – раны недостает.

Нервным жестом он завернул манжет и обнажил руку. И тут же меня осенило. Глаза мои встретились с глазами мисс Нелли; он показал левую руку.

Клянусь вам, я уже собирался совершенно определенно высказаться по этому поводу, как вдруг другое событие отвлекло наше внимание. Запахавшись, прибежала леди Джерланд, подруга мисс Нелли.

Она выглядела потрясенной. Мы сбились в кучу вокруг нее, но только сделав над собой усилие, девушка пролепетала:

– Мои драгоценности, жемчуг!.. Все пропало!..

Нет, как мы узнали позже, взяли не все, и самое любопытное – брали с разбором!

Бриллиантовую звезду, кулон с рубиновым кабошоном; из разбитых коле и браслетов были извлечены камни, но не самые крупные, а самые изысканные, дорогие, то есть именно те, что при максимальной стоимости были минимальны по размеру. Оправы лежали тут же, на столе. Я увидел – все мы увидели – эти оправы, утратившие драгоценное содержание и ставшие похожими на цветы с оборванными красивыми лепестками, сверкавшими и переливавшимися прежде.

И чтобы проделать всю эту операцию в тот час, когда леди Джерланд пила чай, то есть среди бела дня, понадобилось всего-навсего взломать дверь каюты в людном коридоре, найти маленький мешочек, предусмотрительно спрятанный в шляпную коробку, развязать его и выбрать то, что надо!

Все мы ахнули в один голос. А когда о краже стало известно другим пассажирам, сложилось единое мнение: это Арсен Люпен. И действительно, это был его ухищренный, таинственный, немыслимый... и вместе с тем логичный почерк: если бы он взял драгоценности целиком, то получилась бы внушительная кучка, которую нетрудно обнаружить, но насколько легче было спрятать разрозненные крохи: жемчуг, изумруды, сапфиры!

За обедом произошло следующее: справа и слева от Розена опустели два места. А вечером стало известно, что его вызвал капитан.

Арест молодого человека никого не удивил и принес подлинное облегчение. Наконец-то можно было вздохнуть. В тот вечер мы развлекались понемногу. Танцевали. Мисс Нелли особенно бурно веселилась, и это убедило меня в том, что, хотя знаки внимания со стороны Розена были ей прежде приятны, теперь она о нем не вспоминала. Изящество девушки окончательно покорило меня. Около полуночи, при ясном свете луны, я клялся ей в своей преданности с волнением, которое, судя по всему, не было ей безразлично.

Но на следующий день, ко всеобщему изумлению, обнаружилось, что обвинения, выдвинутые против Розена, были несостоятельны, и его освободили.

Розен, сын крупного коммерсанта из Бордо, представил документы, которые оказались в абсолютном порядке. Кроме того, на его руках не оказалось никаких следов раны.

– Документы! Свидетельства о рождении! – восклицали противники Розена. – У Арсена Люпена их сколько угодно! Что же касается раны, ее у него просто не было... или он сумел свести следы!

Им возражали: дескать, в момент кражи Розен – это было подтверждено – прогуливался по палубе. На что они отвечали:

– Когда человек породы Арсена Люпена совершает кражу, ему не обязательно присутствовать при этом...

Ведь если отбросить все остальные доказательства, существовал один пункт, который даже самые отпетые скептики не могли опровергнуть. Кто, кроме Розена, путешествовал в одиночку, был белокур и носил фамилию, начинавшуюся на букву Р? Так на кого же указывала телеграмма, если не на Розена?

И когда за несколько минут до завтрака Розен храбро устремился к нашей группе, мисс Нелли и леди Джерланд встали и ушли.

Они просто-напросто испугались.

Через час обслуживающий персонал, матросы, пассажиры всех классов уже читали и передавали друг другу рукописный документ: месье Луи Розен обещал десять тысяч франков тому, кто разоблачит Арсена Люпена или обнаружит похитителя драгоценностей.

«И, если никто не придет мне на помощь и не выступит против этого бандита, – заявил Розен капитану, – я сам с ним разделаюсь».

Розен против Арсена Люпена, или, как сострил кто-то, Арсен Люпен против самого себя – такая схватка не лишена интереса!

Продлилась она два дня.

Все видели, как Розен мечется во все стороны, подходит к обслуживающему персоналу, спрашивает, рыщет. А ночью бродит по палубе, как черная тень.

Капитан тоже развернул бурную деятельность. «Прованс» осмотрели снизу доверху, обшарили все углы. Обыскали все без исключения каюты под вполне разумным предлогом, что ворованные вещи наверняка спрятаны где угодно, но не в каюте преступника.

– В конце концов что-нибудь да обнаружат, не так ли? – спрашивала меня мисс Нелли. – Каким бы колдуном ни был этот Люпен, ему не удастся сделать бриллианты и жемчуга невидимыми.

– Ну конечно, – отвечал я, – в таком случае нам бы следовало заглянуть за подкладки наших шляп, пиджаков, осмотреть все, что на нас надето.

И показав на мой «Кодак», которым я без конца фотографировал ее в разнообразнейших позах, добавил:

– Даже в аппарате величиной не больше этого хватило бы места для всех драгоценных камней леди Джерланд, вы согласны? Достаточно притвориться, что снимаешь, и дело в шляпе.

– Однако я слышала, что не бывает воров, не оставляющих никаких следов.

– Такой только один: Арсен Люпен.

– Как ему это удастся?

– Как? Он всего-навсего продумывает не только предстоящую кражу, но и все обстоятельства, которые могут выдать его.

– Вначале вы больше верили в успех.

– Но ведь теперь я видел его в деле.

– И что же, по-вашему, будет?

– По-моему, мы зря тратим время.

И действительно, поиски не дали никаких результатов, а если и дали, то полученный итог – исчезли часы капитана – не имел отношения к всеобщим усилиям.

Разъяренный капитан удвоил рвение, еще пристальнее стал следить за Розеном и несколько раз вызывал его на беседы. На следующий день – ирония судьбы – часы были обнаружены среди пристяжных воротничков его старшего помощника.

История с часами была похожа на фокус и явно выдавала шутливые повадки Арсена Люпена, грабителя, конечно, но грабителя, действовавшего из любви к искусству. Бесспорно, воровал он по призыванию, но, бывало, и ради развлечения. Создавалось впечатление, что этот господин забавляется, присутствуя на представлении пьесы, которую сам поставил, и, стоя за кулисами, хохочет во все горло, наслаждаясь остротами и мизансценами, придуманными им самим.

Определенно он был в своем жанре артистом, и я, глядя на мрачного и непреклонного Розена, думая о той двойной роли, которую, без сомнения, играл этот удивительный человек, не мог говорить о нем без некоторого восхищения.

Однако позавчера ночью вахтенный офицер услышал, как кто-то стонет в самом темном углу палубы. Приблизился. Перед ним лежал человек; голова его была замотана толстым серым шарфом, запястья связаны тонкой веревкой.

Несчастного освободили от пут. Подняли, оказали помощь.

И выяснилось, что это Розен.

Да, Розен, на которого напали во время одной из его ночных экспедиций, свалили с ног и обобрали. На визитной карточке, приколотой булавкой к его одежде, было написано:

«Арсен Люпен с благодарностью принимает десять тысяч франков от месье Розена».

На самом деле в украденном бумажнике лежали не десять, а двадцать купюр по тысяче франков.

Естественно, беднягу обвинили в том, что он разыграл это нападение, то есть напал сам на себя. Но помимо того, что самому так связать себя невозможно, примечательным было другое: почерк на карточке совершенно не похож на почерк Розена, и более того, очень напоминает – просто не отличишь – почерк Арсена Люпена, воспроизведенный в найденной на борту старой газете.

Итак, Розен больше не был Арсеном Люпенем. Розен опять стал Розеном, сыном торговца из Бордо! А присутствие Арсена Люпена подтвердилось в очередной раз, да еще каким ужасным образом!

Началась паника. Пассажиры не решались теперь оставаться по одному в каюте и тем более не отваживались гулять в слишком уединенных местах. Потихоньку люди стали группироваться по принципу взаимного доверия. Но в то же время инстинктивная настороженность разделяла ближайших друзей. Потому что угроза уже исходила не от какой-то одной, оказавшейся под подозрением и, следовательно, не столь уж опасной личности. Теперь Арсеном Люпенем... стал каждый. Наше до предела взбудораженное воображение приписывало ему чудесное и безграничное могущество. Полагали, что он способен принимать самые неожиданные обличья, по очереди быть почтенным майором Роусоном или благородным маркизом Раверданом и даже – поскольку разоблачительная буква Р теперь уж никому не мешала думать по-своему – любым другим пассажиром, имеющим жену, детей и прислугу.

Первые беспроволочные депеши не добавили ничего нового. Во всяком случае капитан помалкивал, и это молчание далеко не способствовало нашему спокойствию.

Вследствие чего последний день показался нам бесконечным. Мы жили в тревожном ожидании несчастья. На сей раз это будет уже не кража и не просто нападение, а настоящее преступление – убийство. Никто не мог допустить, что Арсен Люпен ограничится двумя ничтожными кражами. Безраздельно господствуя на судне, где деятельность властей сведена к нулю, он, стоило ему захотеть, мог все себе позволить, мог распорядиться богатством и жизнью пассажиров, как заблагорассудится.

Для меня, признаться, это было восхитительное время, так как в эти часы мисс Нелли начала мне доверять. Взволнованная столькими событиями, она инстинктивно искала защиты, безопасности, и я счастлив был их ей предоставить.

В глубине души я благословлял Арсена Люпена. Разве не он сблизил нас? И разве не ему я обязан тем, что приобрел право витать высоко в облаках на крыльях красивой мечты? Мечты о любви и мечты более прозаической, зачем скрывать? Андреси – достойный пуатвинский род, но их герб поутратил позолоту, и мне кажется, нет ничего недостойного в том, что некий джентльмен желает вернуть этой фамилии утраченный блеск.

Я чувствовал: мои мечты ничуть не оскорбили бы мисс Нелли. Ее улыбающиеся глаза позволяли мне так думать. А мягкий голос внушал надежду.

До последней минуты мы стояли рядом, опершись на борт, а кромка американских берегов плыла нам навстречу.

Обыски были прекращены. Оставалось лишь ждать. Все пассажиры, и в первом классе, и на нижней палубе, кишашей эмигрантами, предвкушали минуту торжества, когда наконец объяснится неразрешимая загадка. Кто был Арсеном Люпенем? Под каким именем, под какой маской скрывается знаменитый грабитель?

И эта высочайшая минута наступила. Проживи я и до ста лет, никогда не забуду ни одной ничтожной подробности этого момента.

– Как вы бледны, мисс Нелли, – сказал я своей спутнице, которая в полном изнеможении оперлась на мою руку.

– А вы! – ответила мне она. – Вы так переменялись в лице!

– Ничего удивительного! Я так счастлив, что переживу эти волнующие мгновения вблизи вас, мисс Нелли. Мне кажется, что и вы когда-нибудь вспомните...

Тяжело дыша от лихорадочного возбуждения, она не слушала меня. Мостик опустился. Но прежде чем нам разрешили свободно ступить на него, на борт поднялась группа людей: таможенники, люди в униформе, почтовые служащие.

– Если окажется, что Арсен Люпен сбежал во время плавания, я не удивлюсь, – прошептала мисс Нелли.

– Быть может, он предпочел смерть бесчестью и потонул в атлантической пучине, чтобы не подвергаться аресту.

– Не смейтесь, – сердито сказала она.

Но вдруг я задрожал. Она спросила меня, что случилось, и я ответил:

– Посмотрите на того маленького старичка, что стоит в конце мостика...

– С зонтиком и в сюртуке оливкового цвета?

– Это Ганимар.

– Ганимар?

– Да, знаменитый сыщик, поклявшийся арестовать Арсена Люпена лично. О! Я понимаю, что до этого берега океана сведения еще не дошли, и Ганимар приехал раньше. Он очень не любит, когда кто-нибудь вмешивается в его дела.

– Значит, преступник наверняка будет пойман?

– Кто знает! Ганимар, кажется, никогда не видел Люпена без грима. Если только ему не известно его вымышленное имя...

– О! – произнесла она с безжалостным женским любопытством, – как бы мне хотелось присутствовать при его аресте!

– Немного терпения. Конечно, Арсен Люпен уже заметил присутствие своего врага. Он постарается выйти одним из последних, когда глаза старика уже устанут.

Высадка началась. Опершись на свой зонтик, с виду абсолютно индифферентный Ганимар вроде бы не обращал внимания на толпу, суетившуюся между перилами. Я заметил, что вахтенный офицер, стоя сзади него, давал время от времени пояснения.

Маркиз де Равердан, майор Роусон, итальянец Ривольта продефилировали мимо меня, затем пошли другие... и я увидел, что ко мне приближается Розен.

Бедный Розен! Он, кажется, так и не оправился от своих злоключений!

– Может быть, это все-таки он, – сказала мне мисс Нелли. – Как по-вашему?

– Я думаю, что было бы очень интересно запечатлеть на одной фотографии Ганимара и Розена. Возьмите мой аппарат, я слишком нагружен.

Я протянул ей мой «Кодак», но слишком поздно, она не успевала сделать снимок. Розен уже прошел. Офицер наклонился к уху Ганимара, тот слегка пожал плечами, и Розен проследовал дальше.

Бог ты мой, кто же тогда Арсен Люпен?

– Да, – громко сказала мисс Нелли, – кто же он?

Осталось не более двадцати человек. Она поочередно оглядела их, втайне опасаясь, что он окажется среди них.

– Дальше ждать мы не можем, – обратился я к ней.

Мисс Нелли пошла вперед. Я – за ней. Мы не сделали и десяти шагов, а Ганимар уже преградил нам дорогу.

– В чем дело? – воскликнул я.

– Минуточку, ме-сье, вы ведь не торопитесь?

– Я сопровождаю мадемуазель.

– Минуточку, – повторил он более властным тоном.

Ганимар очень внимательно изучил мое лицо, затем, глядя мне прямо в глаза, спросил:

– Арсен Люпен, не так ли?

Я расхохотался:

– Нет, всего-навсего Бернар д'Андреzi.

– Бернар д'Андреzi умер три года назад в Македонии.

– Если бы Бернар д'Андреzi умер, меня бы тоже не было на этом свете. Однако я здесь.

Вот мои документы.

– Да, это его документы. И я с удовольствием расскажу, как они к вам попали.

– Вы с ума сошли! Арсен Люпен плыл на теплоходе под фамилией, начинающейся с буквы Р.

– Да, еще одна ваша уловка, ложный след, по которому вы всех там пустили! О! Вы очень сильный противник, дружище. Но на этот раз удача изменила вам. Ну же, Люпен, докажите, что вы настоящий игрок.

Секунду я колебался. Резко повернувшись, Ганимар задел мою правую руку. Я вскрикнул от боли. Он разбередил еще не зажившую рану, о которой говорилось в телеграмме. Что ж, надо было смириться. Я повернулся к мисс Нелли. Она слушала, прозрев наконец и еле держась на ногах.

Ее взгляд встретился с моим, затем опустился на «Кодак», который я ей передал. Она быстро отвернулась, и мне показалось, я был почти уверен, что она поняла. Да, все находилось там, между узкими мехами из черной кожи, внутри маленького аппарата, который я предусмотрительно вручил ей до того, как Ганимар арестовал меня, именно в нем были спрятаны двадцать тысяч франков Розена, а также жемчуга и бриллианты леди Джерланд.

О! Клянусь, в тот торжественный момент, когда Ганимар и двое его помощников обступили меня, все вокруг стало мне безразлично, за исключением одного: как поступит мисс Нелли с сокровищем, которое я ей доверил.

Я совсем не боялся того, что в ее руках очевидная и неопровержимая улика против меня, и думал лишь о том, решится ли мисс Нелли предъявить ее?

Неужели она предаст меня, станет орудием расправы надо мной? Неужели поведет себя как враг, который не умеет прощать, или же останется женщиной, и в память о том, что было между нами, смягчит свое презрение долей снисходительности и невольной симпатии?

Когда она проходила мимо, я очень низко склонился перед ней, не произнеся ни слова. Смешавшись с толпой других пассажиров, мисс Нелли направилась к мостику, держа мой «Кодак» в руке.

Конечно, думал я, она не решится отдать его на глазах у всех. А через час или через минуту сделает это.

Но дойдя до середины мостика, девушка, притворившись, что споткнулась, уронила фотоаппарат в воду между гранитом набережной и бортом судна.

И я увидел, как она удаляется.

Красивый силуэт мисс Нелли затерялся в толпе, мелькнул еще раз и исчез. Все было кончено, кончено навсегда.

Опечаленный и растроганный, я с минуту стоял неподвижно, затем, к великому удивлению Ганимара, со вздохом сказал:

– Как же все-таки плохо быть нечестным человеком...

Вот так однажды зимним вечером Арсен Люпен изложил мне историю своего ареста. Благодаря случайным происшествиям, которые я когда-нибудь опишу, между нами установилась некая связь... могу ли я назвать ее дружбой? Да, смею думать, что Арсен Люпен испытывает ко мне дружеские чувства и именно как друг приходит ко мне без предупреждения; с его при-

ходом в тишину моего рабочего кабинета врывается молодой задор, отголоски увлекательной жизни, хорошее настроение, как будто этому человеку судьба дарует лишь милости и улыбки.

Как он выглядел? Смогу ли я описать Арсена Люпена? Я видел его раз двадцать, и всякий раз передо мной появлялся другой человек... скорее тот же, но отразившийся в двадцати зеркалах, отбросивших столько же искаженных образов; у каждого – особые глаза, особая форма лица, своеобразные жесты, силуэт и характер.

– Я сам уже не совсем понимаю, кто я такой, – говорил он мне. – Не узнаю себя в зеркале.

Шутка, конечно, парадокс, но в то же время правда, если иметь в виду тех, кто с ним встречался, не зная его бесконечных возможностей, терпения, искусства грима, поразительной способности изменять в своем облике все, вплоть до пропорций лица, и даже нарушать соотношение черт между собой.

«Почему, – спрашивал он иногда, – у меня должна быть какая-то определенная внешность? И зачем подвергать себя опасности, оставаясь всегда одинаковым? Меня нетрудно узнать и по моим поступкам».

А затем с некоторой гордостью уточнял:

– Пусть никто и никогда не сможет с полной уверенностью сказать: это Арсен Люпен. Главное, чтобы все безошибочно говорили: это сделал Арсен Люпен.

Я пытаюсь восстановить только отдельные его поступки и кое-какие из его приключений, основываясь на откровенных рассказах, которыми он любезно делился со мной зимними вечерами в тиши моего рабочего кабинета.

Арсен Люпен в тюрьме

Всякий уважающий себя турист изучает берега Сены, и вряд ли, переходя от развалин Жюмьежа к руинам Сен Вандрия, он не обратит внимания на небольшой и странный феодальный замок Малаки¹, гордо взметнувшийся над утесом посреди реки. Арка моста соединяет замок с дорогой. Фундамент темных башен врастает в поддерживающую его огромную гранитную глыбу, оторвавшуюся, видно, от горы и скатившуюся сюда в результате какого-то мощного подземного толчка. А вокруг игриво журчат среди тростника спокойные воды великой реки и, рассевшись на мокрых каменных гребнях, трепещут трясогузки.

История замка Малаки сурова, как его название, изломана, как его силуэт. В ней – только битвы, осады, приступы, грабежи и бойни. По вечерам местные жители с ужасом вспоминают о преступлениях, в нем совершенных, рассказывают таинственные легенды. Например, о знаменитом подземном ходе, который когда-то соединял монастырь Жюмьеж с усадьбой Аньес Сорель, прекрасной возлюбленной Карла VII.

В этом древнем пристанище героев и разбойников живет барон Натан Каорн, Барон Сатана, как называли его когда-то на бирже, где он слишком уж внезапно разбогател. Разорившиеся сеньоры Малаки вынуждены были продать ему «за кусок хлеба» поместье своих предков. Он разместил в замке свою великолепную коллекцию мебели, картин, фарфора и деревянной скульптуры. Новый хозяин живет здесь один с тремя старыми слугами. Никто и никогда не бывает в замке. И никто и никогда в этих древних залах не созерцал принадлежавших ему трех полотен Рубенса, двух Ватто, кафедру работы Жана Гужона и других чудесных творений, вырванных из рук богатейших завсегдатаев публичных распродаж с помощью банкнот.

Барон Сатана живет в страхе. Он боится не за себя, а за сокровища, собранные с такой неумной страстью и прозорливостью любителя, – ведь даже наихитрейшие торговцы не могли похвастаться, что ввели его в заблуждение. Он любит их, свои безделушки. Неистово, как скуппец, ревниво, как влюбленный.

Каждый день на закате солнца все четыре обитые железом двери, закрывающие проход с обеих сторон моста, и далее – внутрь главного двора, запирают на засов. От малейшего удара электрические звонки будут звенеть в тишине. Со стороны же Сены опасаться нечего: там отвесный обрыв скалы.

Но однажды в сентябре, в пятницу, как обычно, на валу у моста появился почтальон. И как всегда, тяжелую створку двери приоткрыл сам барон.

С предельной тщательностью, будто и не знал пришедшего несколько лет, барон всматривался в добрую веселую физиономию и лукавые крестьянские глаза почтальона, а тот со смехом обратился к нему:

– Это я, господин барон, опять я. Никто другой не напяливал на себя мою куртку и фуражку.

– Поди угадай! – пробормотал Каорн.

Почтальон вручил ему пачку газет. Затем добавил:

– А теперь, господин барон, есть кое-что новенькое...

– Новенькое?

– Письмо... заказное к тому же.

Живя в одиночестве, без друзей, барон, которым никто не интересовался, никогда не получал писем, и потому появление конверта представилось ему событием, не предвещающим ничего хорошего, событием, которого следует опасаться. Кто был этот таинственный корреспондент, потревоживший барона в его уединении?

¹ Malaquis – название замка на слух воспринимается так же, как mal acquis – «труднодоступный».

– Нужно расписаться, господин барон.

Тот с ворчанием поставил подпись. Взяв письмо, барон подождал, пока почтальон не исчез за поворотом дороги, и, потоптавшись немного, облокотился на парапет моста, а затем вскрыл конверт. В нем лежал лист бумаги в клеточку; сверху – написанная от руки пометка: «Тюрьма Санте, Париж». Барон взглянул на подпись: «Арсен Люпен». Удивившись, он стал читать:

Господин барон!

В галерее, соединяющей две гостиные вашего замка, находится изумительная по манере письма картина Филиппа де Шампня, которая нравится мне чрезвычайно. Ваши полотна Рубенса и самая маленькая работа Ватто также в моем вкусе.

Справа в гостиной меня привлекают сервант времен Людовика XIII, gobelены Бове, столик в стиле ампира работы Жакоба и ларь эпохи Ренессанса. А в левой гостиной – собрание драгоценностей и миниатюр, все целиком.

На сей раз я удовольствуюсь упомянутыми вещами, сбыт которых, полагаю, не составит труда. Поэтому прошу вас хорошенько упаковать их и переслать на мое имя (с оплатой доставки) на вокзал Батиньоль в течение этой недели, не позже... иначе я сам займусь их перевозкой в ночь со среды 27 на четверг 28 сентября. И тогда уж, справедливости ради, не ограничусь вышеназванными предметами.

Примите извинения за причиненное Вам небольшое беспокойство, а также уверения в почтительнейшем уважении.

Арсен Люпен.

Р. S. Главное, не посылайте мне вашего большого Ватто. Хоть вы и заплатили за него в Торговом зале тридцать тысяч франков, эта картина всего лишь копия, оригинал был сожжен Баррасом во время какой-то ночной оргии в эпоху Директории. Можете проверить этот факт по неизданным «Мемуарам» Гара.

Я не настаиваю также на получении ожерелья эпохи Людовика XV, подлинность которого, на мой взгляд, сомнительна.

Письмо потрясло барона Каорна. Подобное послание, будь оно написано кем-то другим, само по себе сильно встревожило бы его, но подписанное Арсеном Люпенем!

Барон, завзятый читатель газет, был в курсе всех совершающихся вокруг краж и преступлений, мимо его внимания не прошел ни один «подвиг» адского грабителя. И разумеется, ему было известно, что Люпен, арестованный в Америке его врагом Ганимаром, действительно находился в тюрьме, что готовилось – но с каким трудом! – судебное разбирательство. Но тем не менее барон понимал, что от такого человека, как Люпен, можно ожидать чего угодно. Кстати, столь скрупулезное знание замка, расположения картин и мебели было наитревожнейшим знаком. Кто снабдил его информацией о вещах, которых никто не видел?

Барон поднял глаза, оглядел суровый силуэт Малаки, его обрывистые стены, огибающий их глубокий ров, наполненный водой, и пожал плечами. Нет, решительно никакой опасности нет. Никто в мире не смог бы проникнуть в неприступную цитадель, где хранятся его коллекции.

Никто в мире, положим это так, но Арсен Люпен? Разве его остановят двери, подъемные мосты, крепостные стены? К чему изощреннейшие преграды, самые тщательные меры предосторожности, если Арсен Люпен решил достичь своей цели?

В тот же вечер барон написал прокурору Республики в Руан. Послал ему полное угрозы письмо с требованием помощи и защиты.

Ответ пришел незамедлительно: поскольку упомянутый Арсен Люпен в настоящее время содержится в тюрьме Санте под строгим наблюдением и не имеет возможности писать, полученное бароном послание есть не что иное, как розыгрыш мистификатора. Логика, здравый смысл и очевидные факты – все свидетельствует об этом. Однако для пушей предосторожности письмо было подвергнуто экспертизе, и графолог заявил, что, несмотря на некоторое сходство, данный почерк не является почерком заключенного.

«Несмотря на некоторое сходство», – барон запомнил только эти три устрашающих слова, в которых усмотрел признаки сомнения; одного этого, считал он, было достаточно для вмешательства правосудия. Барон был доведен до отчаяния своими страхами. Он читал и перечитывал письмо. «Я сам займусь их перевозкой». Да еще эта точная дата: ночь со среды 27 на четверг 28 сентября!..

Подозрительный и замкнутый, барон не решался довериться слугам, преданность которых казалась ему неискренней. Однако впервые за много лет он испытывал потребность поделиться, посоветоваться. Брошенный на произвол судьбы правосудием страны, барон уже не надеялся защититься своими собственными средствами и был почти готов отправиться в Париж с мольбами о помощи к какому-нибудь старому полицейскому.

Прошло два дня. На третий, читая газеты, он задрожал от радости. «Ревей де Кодебек» опубликовала следующую заметку:

Вот уже почти три недели мы имеем удовольствие принимать в нашем городе главного полицейского инспектора Ганимара, одного из ветеранов службы безопасности. Месье Ганимар, приобретший благодаря своему последнему подвигу, аресту Арсена Люпена, европейскую славу, отдыхает от долгих и тяжелых трудов, ловя пескарей и уклеек.

Ганимар! Именно такого помощника искал барон Каорн! Кто, помимо изворотливого и настойчивого Ганимара, сможет расстроить планы Люпена?

Барон больше не колебался. Шесть километров отделяют замок от небольшого городка Кодебек. Он преодолел их бодрым шагом, как подобает человеку, окрыленному надеждой на спасение.

Предприняв несколько безуспешных попыток узнать адрес главного инспектора, барон отправился в редакцию «Ревей», расположенную прямо на набережной. Он нашел там редактора заметки, который, подойдя к окну, воскликнул:

– Ганимар? Но вы наверняка встретили его на берегу реки, с удочкой в руках. Там мы и познакомились, я случайно прочел его имя, выгравированное на удочке. Видите того старикашку, вон там, под деревьями на аллее?

– В сюртуке и соломенной шляпе?

– Именно! О! Станный тип: неразговорчив и немного угрюм.

Через пять минут барон подошел к знаменитому Ганимару, представился и попытался завязать разговор. Не достигнув цели, он откровенно сказал, зачем явился, и изложил свое дело.

Тот, не шелохнувшись и не отводя глаз от поплавок в ожидании клева, выслушал барона, затем повернул голову, оглядел его с ног до головы и, всем своим видом выражая глубокое сочувствие, произнес:

– Месье, обычно людей не предупреждают о том, что хотят их ограбить. Арсен Люпен, в частности, не делает подобных глупостей.

– И тем не менее...

– Месье, если бы у меня возникла хоть тень сомнения, поверьте, удовольствие еще раз вмешаться в дела моего дорогого Люпена возобладало бы над всеми другими доводами. К несчастью, этот молодой человек – за решеткой.

– А если он сбежит?
– Из тюрьмы Санте никто никогда не сбежит.
– Но он...
– Ни он и никто другой.
– Однако...
– Ну если и сбежит, тем лучше, я снова схвачу его. А пока спите спокойно и не спугните мне опять уклеюку.

Разговор был окончен. Барон вернулся домой. Спокойствие Ганимара немного приободрило его. Он проверил замки, проследил за слугами; так прошло еще сорок восемь часов, в течение которых барон уже почти убедил себя в том, что, в сущности, его страхи – просто бред. Ну конечно же, Ганимар прав, людей, которых собираются ограбить, не предупреждают об этом заранее.

Назначенный день приближался. Во вторник утром, накануне 27 числа, – ничего примечательного. Но в три часа дня позвонил какой-то парнишка. Он принес телеграмму.

Никакой посылки на вокзале Батиньоль. Подготовьте все к завтрашнему вечеру.
Арсен.

И снова паника, да такая, что барон стал задумываться, не уступить ли требованиям Арсена Люпена.

Он помчался в Кодебек. Ганимар ловил рыбу на том же месте, сидя на складном стульчике. Не говоря ни слова, барон протянул ему телеграмму.

– Ну и что дальше? – спросил инспектор.
– Дальше? Но ведь это произойдет завтра!
– Что?
– Ограбление! Кража моих коллекций!

Ганимар положил удочку на землю, повернулся к барону и, скрестив руки на груди, воскликнул, теряя терпение:

– А! Вот оно что, вы воображаете, что я стану заниматься этой идиотской историей?
– Какое вознаграждение вы потребуете за то, что проведете в замке ночь с 27 на 28 сентября?
– Ни одного су, оставьте меня в покое.
– Назначьте вашу цену, я богат, чрезвычайно богат.

Натиск, с которым делалось предложение, ошеломил Ганимара, и он заговорил более спокойным тоном:

– Я нахожусь здесь в отпуске и не имею права вмешиваться...
– Никто об этом не узнает. Что бы ни случилось, я обязуюсь хранить молчание.
– О! Ничего и не случится.
– Ну так как же, три тысячи франков достаточно?
Инспектор глубоко затынулся, задумался и бросил:
– Будь по-вашему. Только я должен честно предупредить вас: эти деньги выброшены на ветер.
– Мне это безразлично.
– В таком случае... Впрочем, кто знает, что выкинет этот чертов Люпен! У него, наверное, целая банда орудует... Можете вы положиться на слуг?
– Честно говоря...
– Тогда не будем рассчитывать на них. Я предупрежу телеграммой двоих парней, моих друзей, они понадежнее защитят нас... А теперь уходите, вместе нас видеть не должны. До завтра, ждите меня к девяти часам.

На следующий, то есть тот самый день, что был назначен Арсеном Люпенем, барон Каорн снял со стены оружие, вооружился и стал прогуливаться вокруг Малаки. Ничего подозрительного он не заметил.

Вечером, в половине девятого, он отпустил слуг. Они жили во флигеле, обращенном к дороге, но чуть в глубине, у крайней стены замка. Оставшись один, он тихонечко отпер все четыре двери. И через минуту услышал приближающиеся шаги.

Ганимар представил своих двух помощников, высоких крепких парней с бычьими шеями и могучими руками, затем попросил дать кое-какие пояснения. Получив отчет о расположении помещений, он тщательно запер и забаррикадировал все входы и выходы, через которые можно было проникнуть в подвергаемые опасности залы. Осмотрел стены, приподняв гобелены, затем расставил наконец своих агентов в центральной галерее.

– И никаких глупостей, слышали? Вы здесь не для того, чтобы спать. При малейшей опасности распахивайте окна во двор и зовите меня. Следите внимательно, что происходит с той стороны, где вода. Бандитов такого калибра десять метров отвесной скалы не испугают.

Ганимар запер полицейских, забрал ключи с собой и сказал барону:

– А теперь – на наш пост.

Для ночного наблюдения он выбрал маленькую комнатку, выдолбленную в крепостной стене между двумя главными входами, когда-то это помещение служило наблюдательным пунктом для часового. Одно потайное окошечко смотрело на мост, другое – во двор. В углу было видно нечто похожее на глубокий колодец.

– Вы ведь говорили мне, господин барон, что этот колодец – единственный вход в подземелье и что с незапамятных времен он завален?

– Да.

– Значит, если не существует другого входа, известного одному Арсену Люпену, – что маловероятно, не так ли? – мы можем быть спокойны.

Он составил вместе три стула, удобно расположился на них, зажег трубку и вздохнул:

– Воистину, господин барон, только огромное желание надстроить этаж домика, где я собираюсь провести остаток дней, вынудило меня заняться столь элементарным делом. Я расскажу эту историю дражайшему Люпену, он помрет со смеху.

Барону, однако, было не до смеха. Навострив уши, он с нарастающим беспокойством ловил каждый звук. И время от времени наклонялся над колодцем, погружая в зияющую бездну свой встревоженный взгляд.

Пробило одиннадцать, двенадцать, час.

Вдруг он схватил Ганимара за руку, и тот мгновенно проснулся.

– Вы слышите?

– Да.

– Что это такое?

– Это я соплю.

– Да нет, слушайте...

– А! Действительно, автомобильный гудок.

– И что?

– А то, что вряд ли Арсен Люпен станет использовать автомобиль в качестве тарана для разрушения вашего замка. Поэтому, господин барон, на вашем месте я бы поспал... и с вашего позволения, я этим снова займусь. Доброй ночи.

Это был единственный тревожный сигнал. Ганимар вернулся к прерванным сновидениям, и барон не услышал больше ничего, кроме его звучного размеренного храпа.

На рассвете они вышли из своей клетушки.

Глубокая безмятежная тишина, напоминающая утренний покой над прозрачным водоемом, окутывала замок. Сияющий от радости Каорн и по-прежнему невозмутимый Ганимар поднялись по лестнице. Ни звука. Ничего подозрительного.

– Что я вам говорил, господин барон? Честно говоря, я не должен был соглашаться... Мне неловко...

Он достал ключи и вошел на галерею.

На стульях, согнувшись и свесив руки, спали два агента.

– Тысяча чертей! – проворчал инспектор.

В ту же секунду раздался крик барона:

– Картины! Сервант!

Он что-то бормотал, задыхался, указывая рукой на пустые места, оголенные стены с торчащими гвоздями и повисшими бесполезными веревками. Ватто исчез! Полотна Рубенса украдены! Гобелены сняты со стен! Витрины с драгоценностями опустошены!

– Канделябры Людовика XVI! Подсвечник регента! И моя Мадонна двенадцатого века!

Потрясенный барон в отчаянии метался по галерее. Он вспоминал, сколько было заплачено за пропавшие вещи, подсчитывал размеры понесенных утрат, складывал как попало цифры и что-то бормотал, не договаривая фраз. Топал ногами, корчился, обезумев от злости и горя, как будто его совсем разорили и остается лишь пустить себе пулю в лоб.

Если хоть что-то и могло его утешить, так это ступор, поразивший Ганимара. В отличие от барона, инспектор застыл на месте, словно окаменел, и помутившимся взглядом изучал обстановку. Окна? Закрыты. Замки на дверях? Не тронуты. Щели в потолке нет. Как и дыры в полу. Идеальный порядок. Должно быть, все происходило по заранее рассчитанному, непреклонному и логичному плану.

– Арсен Люпен... Арсен Люпен, – шептал он с удрученным видом.

И вдруг, будто встряхнувшись от гнева, инспектор бросился к своим агентам, сердито растолкал их и обругал. Но они так и не проснулись!

– Черт возьми, – сказал Ганимар, – неужели их...

Он наклонился и внимательно взгляделся в каждого по очереди: агенты спали, но сон этот не был естественным.

– Их усыпили, – сказал он барону.

– Но кто?

– Он, черт возьми! Или его банда, но по указке главаря. Трюк в его духе. Сразу виден почерк.

– В таком случае я погиб, ничего не поделаешь.

– Ничего.

– Но это мерзко, чудовищно.

– Заявите в полицию.

– Что толку?

– Черт возьми! Попробуйте все-таки... У правосудия есть средства...

– У правосудия! Но вы же сами видите... Поймите, ведь даже в тот момент, когда вы могли бы поискать какую-нибудь улику, что-то обнаружить, вы не шевелите пальцем.

– Что-то обнаружить после Арсена Люпена! Но, мой дорогой барон, Арсен Люпен после себя никогда ничего не оставляет. У него не бывает случайности! Я иногда задаю себе вопрос: уж не нарочно ли он позволил мне арестовать себя в Америке?

– Значит, я должен отказаться от моих картин и от всего остального! Но он похитил жемчужины моей коллекции! Я бы отдал целое состояние, чтобы вернуть их. Если справиться с ним невозможно, пусть назовет свою цену.

Ганимар пристально посмотрел на него.

– Вот это разумная речь. Вы не откажетесь от своих слов?

– Нет, нет и нет. Но зачем вам это?

– У меня есть идея.

– Какая идея?

– Мы вернемся к ней, если расследование ни к чему не приведет... Только ни слова обо мне, если вы хотите, чтобы все удалось.

И добавил сквозь зубы:

– Мне ведь, по правде говоря, похвастаться нечем.

Агенты постепенно приходили в себя и ошалело оглядывались, как все люди, просыпающиеся после гипноза. Они удивленно смотрели по сторонам широко открытыми глазами, пытаясь что-то понять. Когда Ганимар стал расспрашивать их, они ничего не могли вспомнить.

– И тем не менее вы должны были хоть кого-то увидеть.

– Не видели.

– Попытайтесь вспомнить!

– Нет, никого.

– И вы ничего не пили?

Агенты задумались, и один из них ответил:

– Я выпил немного воды.

– Из этого графина?

– Да.

– Я тоже, – заявил второй.

Ганимар понюхал и попробовал воду. Никакого привкуса или запаха он не обнаружил.

– Что ж, – сказал он, – мы зря теряем время. Загадки, которые задает Арсен Люпен, в пять минут не решаются. Но, тысяча чертей, клянусь, я его опять поймаю. Он выигрывает уже вторую партию. Но решающая игра за мной!

В тот же день барон Каорн подал на Арсена Люпена, содержавшегося в тюрьме Санте, жалобу по поводу совершенного им ограбления.

Барон не раз пожалел о том, что подал жалобу, увидев, какому нашествию подвергся Малаки со стороны жандармов, прокурора, следователя, журналистов и просто любопытных, просачивающихся туда, где им не положено быть.

Дело уже взбудоражило общественное мнение. Ограбление произошло при таких странных обстоятельствах, имя Арсена Люпена так подстегивало воображение, что страницы газет запестрели самыми фантастическими историями, воспринятыми читателем с полным доверием.

А первое письмо Арсена Люпена, опубликованное в «Эко де Франс» (никто и никогда так и не дознался, от кого был получен этот текст), письмо, в котором барона Каорна дерзко предупреждали о том, что ему угрожает, вызвало настоящую бурю.

Тут же были выдвинуты самые невероятные версии. Вспомнили о существовании знаменитого подземелья. И уступая давлению извне, прокуратура стала вести поиски в этом направлении.

Замок обшарили снизу доверху. Осмотрели каждый камешек, деревянные панели и камин, зеркальные рамы и потолочные балки. При свете факелов обследовали огромные подвалы, где сеньоры Малаки хранили когда-то боеприпасы и провизию. Ощупали внутренние пещеры в скале. Но даже намек на разрушенное подземелье не обнаружили. Потайного хода просто не существовало.

Пусть так, комментировали со всех сторон, но ведь мебель и картины не могут раствориться, как привидения. Их обычно выносят через двери или через окна, и люди, которые забирают их, также попадают внутрь через двери либо через окна. Так что же это за люди? Как они проникли сюда? И как отсюда вышли?

Прокуратура Руана, убедившись в своей беспомощности, обратилась за содействием к парижским сыщикам. Месье Дюдуи, начальник Управления национальной безопасности, направил в Руан лучших ищек из своего ударного отряда. Сам он тоже провел двое суток в Малаки. Но преуспел не больше других.

После чего он вызвал к себе старшего инспектора Ганимара, таланты которого имел возможность оценить столько раз.

Ганимар молча выслушал инструкции своего начальника, затем, покачив головой, произнес:

– Я думаю, что, продолжив розыск в замке, мы пойдем по ложному следу. Решение проблемы не там.

– Так где же?

– У Арсена Люпена.

– У Арсена Люпена? Такое предположение равнозначно признанию его участия в краже.

– Я это допускаю. Более того, абсолютно уверен, что так и было.

– Послушайте, Ганимар, это же чушь какая-то. Арсен Люпен сидит в тюрьме.

– Арсен Люпен в тюрьме, допустим. За ним следят, согласен с вами. Но будь у него кандалы на ногах, веревки на руках и кляп во рту, я и тогда не изменил бы своего мнения.

– Но почему вы так упорно стоите на своем?

– Потому что один только Арсен Люпен способен разработать операцию такого размаха и провести ее так, чтобы она удалась... и удалась настолько, насколько... удалась.

– Это только слова, Ганимар!

– Не слова, а реальность. Ну так вот, надо прекратить поиски прохода в подземелье, вращающихся на оси камней и всякой другой чепухи. Наш герой не пользуется такими устаревшими приемами. Он человек современный или, скорее, человек будущего.

– И что же вы намерены предпринять?

– Я намерен испросить у вас разрешения провести с ним час.

– В его камере?

– На обратном пути из Америки у нас сложились прекрасные отношения, и, осмелюсь доложить, преступник питает теперь некоторую симпатию к тому, кто сумел его арестовать. Если он сможет разъяснить мне что-то, не выдавая себя, он сделает это без колебаний, дабы избавить меня от бессмысленного путешествия.

Почти сразу после полудня Ганимара впустили в камеру к Арсену Люпену. Вытянувшийся на кровати узник приподнял голову и радостно воскликнул:

– Вот это настоящий сюрприз. Вы здесь, мой дорогой Ганимар!

– Он самый.

– Я много желал в избранном мною уединении... но ничего так страстно не хотелось мне, как увидеть вас здесь.

– Вы слишком любезны.

– О нет, нет, я испытываю к вам глубочайшее уважение.

– Я этим горжусь.

– А я всегда говорил: Ганимар – наш лучший сыщик. Он почти не уступает, – заметьте, как я откровенен! – он почти не уступает Шерлоку Холмсу. О, я искренне сожалею, что не могу предложить вам ничего, кроме этой табуретки. И никакого напитка! Даже пива! Извините меня, ведь это мое временное пристанище.

Ганимар улыбнулся и присел, а заключенный, обрадованный тем, что может поговорить, продолжал:

– Бог ты мой, как же приятно обратить свой взор на лицо порядочного человека! Мне так надоели рожи этих агентов и фискалов, которые по десять раз в день обшаривают мои карманы

и эту скромную камеру, дабы удостовериться, что я не собираюсь бежать. Черт возьми, как же дорожит мною правительство!

– И оно право.

– Ну что вы! Я был бы так счастлив, если б мне позволили жить в моей тихой обители!

– За счет других.

– Вы полагаете? Но это было бы так просто. Однако я заболтался, говорю глупости, а вы, наверное, торопитесь. Перейдем к делу, Ганимар! Чем я обязан вашему посещению?

– Делу Каорна, – без обиняков выпалил Ганимар.

– Стоп! Секундочку... У меня ведь столько этих дел! Прежде всего надо покопаться в памяти и найти досье по делу Каорна... А! Вот оно, нашел. Дело Каорна, замок Малаки, нижняя Сена... Два Рубенса, один Ватто и несколько незначущих вещей.

– Незначущих!

– О! Право же, особой ценности все это не представляет. Бывают вещи и получше! Но достаточно того, что это дело интересует вас... Итак, говорите, Ганимар!

– Надо ли рассказывать, как идет следствие?

– Незачем. Я прочел утренние газеты. И даже позволю себе заметить, что вы продвигаетесь довольно медленно.

– Именно по этой причине я и рассчитываю на вашу любезную помощь.

– Весь к вашим услугам.

– Прежде всего вопрос: вы действительно руководили операцией?

– От А до Я.

– Письменное уведомление? Телеграмма?

– От вашего покорного слуги. У меня даже где-то сохранились квитанции.

Арсен выдвинул ящик маленького столика из светлого дерева, вместе с кроватью и табуреткой составлявшего обстановку в камере, достал оттуда два клочка бумаги и протянул их Ганимару.

– Черт знает что, – воскликнул тот, – я полагал, что с вас не спускают глаз и чуть что – тщательно обыскивают. А вы читаете газеты, получаете почтовые квитанции...

– Ну и что! Эти люди так глупы! Они отпарывают подкладку моего пиджака, осматривают подошвы моих туфель, простукивают стены этой комнаты, но ни одному из них не приходит в голову, что Арсен Люпен не так прост и не станет ничего прятать в столь незатейливые тайники. Именно на это я и рассчитывал.

Рассмеявшись, Ганимар воскликнул:

– Ну и забавный же вы человек! Просто поразительно. Ну хорошо, расскажите мне всю эту историю.

– О! Как вы стремительны! Приобщить вас ко всем моим тайнам... открыть вам все мои маленькие хитрости... Это очень серьезно.

– Так я напрасно рассчитывал на вашу любезность?

– Нет, Ганимар, и если вы настаиваете...

Арсен Люпен два-три раза прошелся по камере, затем остановился и спросил:

– Что вы думаете о моем письме к барону?

– Полагаю, вы хотели развлечься, слегка эпатировать публику.

– О! Какое там эпатировать публику! Честно говоря, Ганимар, вы мне казались более прозорливым. Стану я, Арсен Люпен, тратить время на такие детские шалости! Ну зачем мне было писать это письмо, если бы я мог обчистить барона без этого? Поймите же вы, и другие тоже, что это письмо – необходимая отправная точка, рычаг, пустивший в ход весь механизм. Давайте пойдем по порядку и подготовим вместе, если желаете, ограбление Малаки.

– Слушаю вас.

– Итак, предположим, существует накрепко запертый, забаррикадированный замок, подобный замку барона Каорна. Мог ли я выйти из игры и отказаться от сокровищ, которых страстно желаю, по той причине, что замок, где они находятся, неприступен?

– Конечно нет.

– Стал бы я, как в прежние времена, штурмовать его, возглавив отряд авантюристов?

– Ребячество!

– Пытался бы я хитростью проникнуть внутрь?

– Невозможно.

– Остается один-единственный, на мой взгляд, способ: устроить так, чтобы хозяин упомянутого замка сам пригласил меня к себе.

– Способ оригинальный.

– И какой простой! Предположим, что в один прекрасный день хозяин получает письмо, предупреждающее его о том, какую сеть плетет вокруг него некий Арсен Люпен, знаменитый грабитель. Как поступит хозяин?

– Напишет письмо прокурору...

– ...Который посмеется над ним, потому что названный Люпен в настоящее время находится в тюрьме. Конечно, старикашка в панике, готов броситься за помощью к первому встречному, не так ли?

– Без сомнения.

– А если вдруг он прочтет в какой-нибудь захудалой газетенке, что знаменитый полицейский отдыхает от трудов где-то неподалеку...

– Он отправится к этому полицейскому.

– Ваша правда. Но с другой стороны, положим, что, предвидя этот неизбежный шаг, Арсен Люпен попросит одного из самых ловких своих друзей поселиться в Кодебеке, познакомиться с редактором «Ревей», выписываемой бароном газеты, намекнет ему, что он и есть знаменитый сыщик, как тогда будут развиваться события?

– Редактор сообщит через «Ревей» о том, что названный сыщик находится в Кодебеке.

– Прекрасно, далее одно из двух: либо рыбка – я хочу сказать, Каорн – не клюнет на крючок, и тогда ничего не произойдет; либо – и это наиболее вероятное предположение – он, весь дрожа, прибежит к сыщику. И вот уже Каорн умоляет одного из моих друзей спасти его от меня!

– Остроумнее некуда.

– Разумеется, псевдополицейский сначала отказывает в помощи. А тут – телеграмма Арсена Люпена. Барон в ужасе, он снова умоляет моего друга, предлагая ему большие деньги, лишь бы он позаботился о его спасении. Упомянутый друг соглашается, приводит двоих парней из нашей компании, и они ночью, пока за Каорном пристально следит его защитник, вытаскивают в окно ряд предметов и спускают их на веревках в маленькую лодочку, зафрахтованную на данный случай. Проще простого... как сам Люпен.

– И воистину великолепно, – воскликнул Ганимар, – дерзость самой идеи и изобретательность в деталях выше всяких похвал. Но я что-то не припомню достаточно знаменитого полицейского, чье имя было бы так притягательно и до такой степени воздействовало на барона.

– Есть такое имя, но только одно.

– Чье же?

– Имя знаменитейшего сыщика, личного врага Арсена Люпена, короче, это вы, инспектор Ганимар!

– Я?!

– Именно вы, Ганимар. И вся прелесть в том, что если вы отправитесь туда, а барон решится заговорить, то в конце концов вы поймете: ваш долг – арестовать самого себя, как

вы арестовали меня в Америке. Ну как? Забавный реванш: я вынуждаю Ганимара арестовать самого себя!

Арсен Люпен смеялся от души. Несколько раздосадованный инспектор кусал губы. С его точки зрения, шутка не стоила такого взрыва веселья.

Появление надзирателя позволило Ганимару перевести дух. Тюремщик принес обед, который Арсен Люпен с особого разрешения заказывал в соседнем ресторане. Поставив поднос на стол, вошедший удалился. Арсен устроился поудобнее, разломил кусок хлеба, проглотил несколько кусочков и снова заговорил:

– Но будьте спокойны, мой дорогой Ганимар, вы туда не поедете. Я сейчас сообщу вам нечто для вас неожиданное: дело Каорна вот-вот закроют.

– Что-что?

– Дело скоро закроют, уверяю вас.

– Не может быть, я только что был у начальника полицейского управления.

– Ну и что? Неужели господину Дюуи известно больше, чем мне, о том, что меня касается? Вы узнаете, что Ганимар – извините, пожалуйста, – псевдо-Ганимар сохранил прекрасные отношения с бароном. Последний, – и это основная причина, по которой он ничего не рассказал, – возложил на сыщика очень деликатную миссию: провести со мной переговоры о сделке, и в данный момент вполне вероятно, что барон посредством определенной суммы вновь обрел свои дорогие безделушки. В обмен на это он заберет свою жалобу. Таким образом, кражи больше нет. Поэтому прокуратуре придется закрыть...

Ганимар с удивлением смотрел на заключенного.

– Но откуда вам это известно?

– Я только что получил телеграмму, которую ждал.

– Вы только что получили телеграмму?

– Только сейчас, дорогой друг. Из вежливости я не хотел читать ее в вашем присутствии. Но если вы позволите...

– Вы смеетесь надо мной, Люпен.

– Соболаговолите, мой добрый друг, тихонечко расколоть это яйцо. Вы сами убедитесь, что я над вами не насмехаюсь.

Ганимар машинально исполнил просьбу и лезвием ножа разбил яйцо. У него вырвался удивленный возглас. В скорлупе пустого яйца оказался клочок бумаги. По просьбе Арсена он развернул его. Это была телеграмма или, скорее, часть телеграммы, от которой оторвали почтовые штемпели:

Договор заключен. Сто тысяч монет уплачено. Все хорошо.

– Сто тысяч монет? – спросил он.

– Да, сто тысяч франков! Мало, но, впрочем, времена тяжелые... А у меня так много общих расходов! Если бы вы знали, каков мой бюджет... бюджет большого города!

Ганимар встал. Плохое настроение улетучилось. Он задумался на несколько секунд над делом, чтобы отыскать в нем слабое место. Затем тоном, в который он вложил все свое профессиональное восхищение, произнес:

– К счастью, таких, как вы, и дюжины не наберется, иначе пришлось бы закрыть нашу лавочку.

Арсен Люпен изобразил самое простодушное выражение лица и ответил:

– Ну что вы! Просто хотелось немного развлечься, чем-то заполнить свободное время... тем более что операцию можно было с успехом осуществить лишь при условии, что я буду находиться в тюрьме.

– Как! – воскликнул Ганимар. – Ваш процесс, защита, следствие – разве этого недостаточно для вашего развлечения?

– Нет, ибо я решил не присутствовать на моем процессе.

– Что?!

Арсен Люпен, не спеша, повторил:

– Я не буду присутствовать на моем процессе.

– В самом деле?

– Ну подумайте, дорогой Ганимар, неужели вы допускаете, что я буду гнить на сырой соломе? Вы меня обижаете. Арсен Люпен проводит в тюрьме столько времени, сколько ему нравится, и ни минутой больше.

– Может быть, разумнее начинать с того, чтобы не попадать сюда, – с иронией возразил инспектор.

– А! Месье насмехается? Месье вспоминает, что он имел честь арестовать меня? Так знайте же, мой уважаемый друг, что никому, в том числе и вам, не удалось бы задержать меня, если бы в этот критический момент мое внимание не было поглощено чем-то более важным.

– Интересно.

– На меня, Ганимар, тогда смотрела женщина, а я любил ее. Понимаете ли вы глубокий смысл этого факта: на вас смотрит женщина, которую вы любите? Остальное для меня почти не имело значения, клянусь вам. Именно поэтому я и нахожусь здесь.

– И довольно давно, разрешите вам заметить.

– Сначала я хотел забыть. Не смейтесь: приключение было очаровательным, и я до сих пор храню о нем трогательное воспоминание... Кроме того, я немного неврастеник. В наши дни жизнь проходит в таком лихорадочном темпе! И в определенные моменты надо устраивать для себя то, что называется «изоляционной терапией». Тюрьма – превосходное место для такого рода лечения. Оздоровительный курс здесь проводится со всей строгостью.

– Вы издеваетесь надо мной, Арсен Люпен, – заметил полицейский.

– Ганимар, – отчеканил Люпен, – сегодня пятница. В следующую среду я приду к вам выкурить сигару на улицу Перголези в четыре часа дня.

– Я жду вас, Арсен Люпен.

Как два добрых приятеля, отдающих друг другу дань заслуженного уважения, они обменялись рукопожатием, и старый полицейский направился к двери.

– Ганимар!

Сыщик обернулся.

– В чем дело?

– Ганимар, вы забыли свои часы.

– Часы?

– Да, они как-то попали в мой карман.

И он возвратил их с извинениями.

– Простите меня... дурная привычка... Ведь вовсе не обязательно лишать вас ваших часов только потому, что у меня отобрали мои. Тем более что здесь у меня оказался хронометр, на который я пожаловаться не могу, он вполне устраивает меня.

И Люпен достал из ящика стола большие золотые часы в тяжелом и удобном корпусе, украшенные увесистой цепочкой.

– А эти часы из какого кармана? – спросил Ганимар.

Арсен Люпен мельком взглянул на инициалы.

– Ж.Б... Черт возьми, кто бы это мог быть? Ах да! Припоминаю: это Жюль Бувье, мой следователь, прелестный человек...

Побег Арсена Люпена

В тот момент, когда Арсен Люпен, закончив трапезу, доставал из кармана красивую сигару с золотым ободком и со снисхождением рассматривал ее, дверь камеры открылась. Он едва успел бросить сигару в ящик и отойти от стола. Вошел надзиратель: настал час прогулки.

– Я ждал вас, мой дорогой друг, – воскликнул Люпен, как обычно, веселым тоном.

Они вышли. И едва скрылись за поворотом коридора, как двое мужчин зашли в камеру и начали тщательно осматривать ее. Один из них был инспектор Дъези, другой – инспектор Фольанфаном.

Надо было положить этому конец. Вне всяких сомнений, Арсен Люпен поддерживал связь с внешним миром и своими сообщниками. Накануне газета «Гран журнал» опять опубликовала следующие строки, адресованные ее сотруднику, отвечавшему за судебную хронику:

Месье!

В статье, опубликованной на днях, вы позволили писать обо мне в таком тоне, который ничем не может быть оправдан. За несколько дней до открытия процесса я явлюсь за объяснениями.

С глубоким уважением,

Арсен Люпен.

Почерк и впрямь принадлежал Арсену Люпену. Значит, письма посылал он. И получал их. Таким образом, не было сомнений, что узник готовится к побегу, о котором он сам объявил таким вызывающим способом.

Положение стало просто нетерпимым. В полном согласии со следователем, начальник Управления национальной безопасности Дюдуи самолично отправился в Санте, для того чтобы объяснить директору тюрьмы, какие меры предосторожности следует принять. И едва появившись там, послал двух своих людей в камеру заключенного.

Они приподняли каждую плитку пола, развинтили кровать, сделали все, что обычно делается в подобных случаях, но в итоге ничего не обнаружили. И уже собирались прекратить поиски, как вдруг прибежал запыхавшийся надзиратель:

– Ящик... посмотрите в ящике стола. Когда я входил, мне показалось, что он задвинул его.

Они осмотрели ящик, и Дъези воскликнул:

– Слава Богу, на этот раз он попался.

Фольанфан остановил его:

– Постой-ка, пусть шеф проведет осмотр.

– Однако это шикарная сигара.

– Оставь ее, и пойдем сообщим об этом шефу.

Две минуты спустя месье Дюдуи осматривал ящик. Сначала он обнаружил в нем подборку статей, вырезанных из газет и посвященных Арсену Люпену, затем – кисет для табака, трубку, тонкую и прозрачную, как луковая шелуха, бумагу и, наконец, две книги.

Он прочел их названия. Это был «Кульť героев» Карлейля в английском издании и прелестный эльзевир² в переплете того времени: «Беседы» Эпиктета, немецкий перевод, опубликованный в 1634 г. Перелистав их, Дюдуи отметил, что на всех страничках имелись пометки, записи, подчеркнутые строки. Были они условными знаками или просто указывали на усердие, с которым была прочитана книга?

² Эльзевир – название книг, напечатанных в знаменитых голландских типографиях XVI–XVII вв.

– Мы подробно изучим это, – сказал месье Дюдуи.

Он осмотрел кисет, трубку. Затем схватил пресловутую сигару с золотым ободком.

– Черт возьми! Неплохо живет наш приятель, – воскликнул он. – Ну просто как Анри Кле!

Машинальным жестом курильщика Дюдуи поднес сигару к уху, надломил ее. И в ту же секунду вскрикнул от удивления. Сигара согнулась под нажимом пальцев. Дюдуи повнимательнее осмотрел ее и сразу же заметил что-то белое между табачными листьями. Осторожно, с помощью булавки полицейский вытащил рулончик из очень тонкой бумаги, величиной не более зубочистки. Это была записка. Дюдуи развернул ее и прочитал следующие слова, написанные мелким женским почерком:

Ворон занял место другого. Восемь из десяти подготовлены. При нажатии на подножку с внешней стороны доска приподнимается по всей плоскости. От двенадцати до шестнадцати Л.С. будет ждать ежедневно. Но где? Немедленно ответьте. Будьте спокойны, ваша подруга оберегает вас.

Месье Дюдуи задумался на секунду и сказал:

– Это довольно ясно... ворон... восемь клетушек... От двенадцати до шестнадцати значит между полуднем и четырьмя часами...

– Но этот Л.С., который будет ждать?

– Л.С. в данном случае должно означать: автомобиль, лошадиная сила, не так ли в спортивном языке обозначают силу мотора? Двадцать четыре Л.С. – это автомобиль в двадцать четыре лошадиные силы.

Дюдуи встал и спросил:

– Заключение заканчивал завтрак?

– Да.

– И, наверное, еще не прочитал это послание, о чем свидетельствует внешний вид сигары; он, вероятно, только что получил ее.

– Но каким путем?

– В продуктах, хлебе или картофелине, кто знает?

– Невозможно. Мы разрешили ему заказывать еду только для того, чтобы поймать его в ловушку, но ничего не нашли.

– Сегодня вечером мы поищем ответ Люпена. А пока поддержите его где-нибудь вне этой камеры. Я сейчас отнесу эту записку господину следователю. Если он согласится со мной, мы тут же сфотографируем письмо, и через час вы сможете опять положить его в ящик вместе с другими предметами, точно такой же сигарой и подлинным посланием внутри. Заключение не должен ничего заподозрить.

Слегка заинтригованный, месье Дюдуи вновь пришел вечером в канцелярию тюрьмы в сопровождении инспектора Дъези.

В углу на плите стояли три тарелки.

– Он уже поел?

– Да, – ответил начальник тюрьмы.

– Дъези, потрудитесь разрезать на тончайшие кусочки эти остатки макарон и разломите булочку... Ничего?

– Ничего, шеф.

Месье Дюдуи осмотрел тарелки, вилку, ложку, наконец, нож с закругленным кончиком, как предписано уставом. Покрутил ручку влево, затем вправо. При повороте вправо ручка раскрутилась. Нож был полым внутри, и в нем, как в футлярике, лежал листок бумаги.

– Эка невидаль! – заметил Дюуи. – Не больно то хитро для такого парня, как Арсен. Но не будем терять время. Дъези, отправляйтесь-ка на разведку в ресторан.

Затем он прочел:

Я полагаюсь на вас, Л.С. должен следовать в отдалении каждый день. Я пойду навстречу. До скорого свидания, моя дорогая и чудесная.

– Наконец-то, – воскликнул месье Дюуи, потирая руки, – кажется, дела идут хорошо. Маленький толчок с нашей стороны – и побег удастся... по крайней мере настолько, чтобы позволить нам схватить сообщников.

– А если Арсен Люпен ускользнет от вас? – усомнился начальник тюрьмы.

– Мы подключим необходимое количество людей. И если все-таки он окажется слишком проворным... ей-богу, тем хуже для него! Что касается его шайки... если шеф отказывается говорить, то заговорят другие.

И действительно, Арсен Люпен был не очень разговорчив. Несколько месяцев следователь Жюль Бувье напрасно мучился с ним. Допросы превращались в бессмысленные словопрения со следователем и адвокатом, мэтром Данвалем, одним из корифеев адвокатского дела, который знал об обвиняемом ничуть не больше первого встречного.

Время от времени из вежливости Арсен Люпен небрежно бросал:

– Да, конечно, господин следователь, я с вами согласен: ограбление Лионского банка, кража на Вавилонской улице, запуск фальшивых денежных знаков, дело о страховых полисах, ограбление замков Армений, Гуре, Эмблевен, Грозейе, Малаки – все это совершил ваш покорный слуга.

– Тогда не могли бы вы мне объяснить...

– Незачем, я признаюсь во всем сразу, во всем и даже в десять раз большем, чем вы предполагаете.

Потеряв терпение, следователь прекратил нудные допросы. Но ознакомившись с двумя найденными записками, возобновил их. И регулярно в полдень Арсена Люпена вместе с группой заключенных привозили в тюремном фургоне из Санте в полицейский участок. И увозили назад в три-четыре часа дня.

Однажды днем это возвращение происходило при особых обстоятельствах. Поскольку других заключенных Санте еще не допросили, было решено сначала отправить назад Арсена Люпена. Таким образом, в фургоне он был один.

Тюремные фургоны, в просторечии называемые «черными воронами», внутри разделены центральным проходом, откуда открываются дверцы десяти клетушек – пять справа и пять слева. Каждая клетушка устроена таким образом, что в ней можно только сидеть, и, следовательно, пятерых заключенных усаживают одного за другим, а параллельные перегородки разделяют их. Охранник из муниципальной полиции, помещенный в конце прохода, наблюдает за всем происходящим внутри.

Арсена посадили в третью клетушку справа, и тяжелый фургон тронулся. Узник заметил, что фургон уже миновал набережную Орлож и подъезжает к Дворцу правосудия. Тогда посреди моста Сен-Мишель он правой ногой нажал на железную плиту в полу его клетушки. Тут же что-то щелкнуло, и плита незаметно отошла. Он успел заметить, что она находится между колесами.

Люпен ждал, настороженно поглядывая в окошечко. Фургон медленно поехал по бульвару Сен-Мишель. Но на перекрестке у Сен-Жермен остановился. У кого-то из проезжавших пострадала лошадь. Движение приостановилось, и очень скоро образовалась пробка из фиакров и омнибусов.

Арсен Люпен высунул голову. Другой тюремный фургон остановился рядом. Люпен посильнее приподнял плиту, поставил ногу на обод большого колеса и прыгнул на землю.

Его увидел какой-то возница, прыснул от смеха, затем решил позвать на помощь, но его голос утонул в грохоте снова тронувшихся повозок. Впрочем, Арсен Люпен был уже далеко.

Он добежал до тротуара по левую сторону улицы и оглядел все вокруг, как человек, не знающий, куда ему дальше идти. Затем с решительным видом сунул руки в карманы и небрежной походкой праздного гуляки пошел вверх по бульвару. День выдался великолепный, приятный и мягкий осенний день. Кафе были полны. Арсен Люпен устроился на террасе одного из них.

Он заказал пиво и пачку сигарет. Маленькими глотками опустошив бокал, Люпен спокойно выкурил одну сигарету и закурил следующую. Поднявшись наконец, он попросил официанта позвать метрдотеля.

Последний явился, и Арсен Люпен громко, так, чтобы слышали все, сказал ему:

– Очень сожалею, месье, но я забыл кошелек. Быть может, мое имя вам достаточно хорошо известно, и вы согласитесь предоставить мне кредит на несколько дней. Перед вами Арсен Люпен.

Метрдотель уставился на него, полагая, наверное, что это шутка. Но Арсен повторил:

– Люпен, узник Санте, в настоящее время – в бегах. Смею надеяться, что это имя внушает вам полное доверие.

И он удалился под дружный хохот окружающих, а метрдотель и не подумал окликать его.

Люпен наискось пересек улицу Суффло и повернул на Сен-Жак. Спокойно прогуливаясь по этой улице, он остановился у витрины и покурил. На бульваре Пор-Рояль прикинул, куда идти, справился у прохожих и зашагал напрямиком в сторону Санте. Вскоре перед ним выросли высокие мрачные стены тюрьмы. Арсен пошел вперед вдоль этих стен и очутился около жандарма, несшего караул. Сняв шляпу, он спросил:

– Тюрьма Санте, это здесь?

– Да.

– Я хотел бы вернуться в свою камеру. Тюремный фургон не довез меня, я потерялся по дороге, но не хотел бы злоупотреблять...

Охранник рассердился:

– Послушайте-ка, идите своей дорогой, и поживее.

– Простите, пожалуйста, но моя дорога проходит через эту дверь. И если вы, друг мой, помешаете Арсену Люпену переступить сей порог, это может вам дорого обойтись.

– Арсен Люпен! Что вы тут плетете!

– Жаль, что я не захватил визитной карточки, – ответил Арсен, делая вид, что роется в карманах.

Ошарашенный часовой оглядел его с ног до головы. Затем, не говоря ни слова, нехотя потянул за шнурок звонка. Железная дверь приоткрылась.

Через несколько минут, размахивая руками и изображая сильный гнев, в канцелярию вбежал начальник тюрьмы. Арсен улыбнулся:

– Полноте, господни начальник, не хитрите со мной. Как? Меня предусмотрительно сажают одного в фургон, ловко организывают маленькую пробку, надеясь, что я сбегу и приведу вас к своим друзьям. Но не забывайте о двадцати полицейских агентах, что следовали за нами пешком, в фиакре³ и на велосипедах. Они так отделали бы меня! Живьем от них я бы не вырвался. Кстати, господин начальник, может, именно на это и был расчет?

Пожав плечами, Арсен добавил:

³ Фиакр – наемный четырехместный городской экипаж на конной тяге.

– Я вас прошу, господин начальник, пусть обо мне никто не хлопочет. В тот день, когда я задумаю убежать, мне никто не понадобится.

На третий день газета «Эко де Франс», определенно превращавшаяся в официальный вестник, рассказывающий о подвигах Арсена Люпена, – поговаривали, что он был одним из основных ее вкладчиков, – описала в мельчайших подробностях историю неудавшегося бегства. Даже текст записок, которыми обменивались заключенный и его таинственная подруга, способы передачи этой корреспонденции, сообщничество полиции, прогулка по бульвару Сен-Мишель, случай в кафе на улице Суффлю – все было рассказано. Стало известно, что допросы официантов заведения, проведенные инспектором Дъези, не дали никаких результатов. Более того, выяснилось поразительное обстоятельство, свидетельствующее о безграничном разнообразии средств, которыми располагал этот человек: тюремный фургон, в котором его перевозили, оказался подделкой – банда Люпена подменила им один из шести обычных фургонов, обслуживающих тюрьму.

Никто уже не сомневался, что побег Арсена Люпена произойдет в ближайшем будущем. К тому же и сам он недвусмысленно высказывался по этому поводу, а его ответ месье Бувье на следующий день после происшествия только подтвердил это. Когда следователь стал подтрунивать над Люпеном и его неудачей, тот посмотрел на него и холодно сказал:

– Послушайте, что я скажу вам, месье, и поверьте на слово: эта неудачная попытка была частью моего плана бегства.

– Не понимаю, – усмехнулся следователь.

– Вам и незачем понимать.

И поскольку Бувье во время упомянутого допроса, полностью приведенного на страницах «Эко де Франс», вновь приступил к своему расследованию, заключенный скучаясь воскликнул:

– Господи Боже ты мой! Зачем все это? Ведь ваши вопросы не имеют никакого смысла!

– Как это «никакого смысла»?

– Я не собираюсь присутствовать на моем процессе.

– Вы не будете присутствовать...

– Не буду, это навязчивая идея, окончательное решение. Ничто не заставит меня отступить.

Подобная уверенность, необъяснимая утечка информации, происходившая ежедневно, раздражали и озадачивали правосудие. Речь шла о тайнах, которые были известны только Арсену Люпену, следовательно, только он один мог обнародовать эти данные. Но с какой целью открывал он свои секреты? И как это ему удавалось?

Однажды вечером Арсена Люпена перевели в другую камеру, этажом ниже. Следователь завершил дело и отослал его в следственную палату. Наступило затишье, которое продлилось два месяца. Арсен все это время провалился на постели, как правило, уткнувшись лицом в стену. Замена камеры, судя по всему, довела его: он отказался от встречи с адвокатом, а с охранниками перебросился лишь парой слов.

За две недели до начала процесса узник как будто оживился. Стал жаловаться на нехватку воздуха. По утрам, очень рано, его стали выводить во двор в сопровождении двух тюремщиков.

Общественный интерес к его делу, однако, не угас. Все ждали известия о побеге. Этого почти желали, настолько личность заключенного, его остроумие, веселый нрав, непредсказуемость, гениальная изобретательность и таинственная жизнь нравились толпе. Арсен Люпен должен сбежать. Это было неизбежно, фатально. Люди удивлялись даже, почему все так затянулось. Каждое утро префект полиции спрашивал у секретаря:

– Ну что, он еще не сбежал?

– Нет, господин префект.

– Значит, сбежит завтра.

А накануне суда в редакции «Гран журналъ» появился некий господин, вызвал сотрудника, отвечавшего за судебную хронику, бросил ему в лицо карточку и быстро удалился. На карточке были написаны следующие слова:

Арсен Люпен всегда выполняет свои обещания.

Началось слушание дела, зал был набит до отказа. Кому же не хотелось увидеть знаменитого Арсена Люпена и насладиться заведомо увлекательным зрелищем посрамления председателя суда! Адвокаты и судьи, хроникеры и шеголи, художники и светские дамы, весь цвет парижского общества теснился на скамейках для слушателей.

Шел дождь, день был пасмурный, и когда охранники ввели Арсена Люпена, разглядеть его было трудно. Вместе с тем грузная фигура, поведение – подсудимый плюхнулся на свое место и застыл с отсутствующим, безучастным видом – не располагали в его пользу. Адвокат – один из секретарей мэтра Данваля, считавшего уготованную ему роль недостойной себя, – несколько раз обратился к подсудимому. Тот качал головой и помалкивал.

Секретарь суда огласил обвинительный акт, затем председатель произнес:

– Обвиняемый, встаньте. Ваши фамилия, имя, возраст и профессия.

Не получив ответа, он повторил:

– Ваше имя! Я спрашиваю, как вас зовут?

Низким усталым голосом подсудимый произнес:

– Бодрю, Дезире.

По залу пробежал шепоток. Но председатель не сдавался:

– Бодрю, Дезире? О! Прекрасно, новое превращение! Но поскольку это примерно восьмое имя, которое вы выдаете за свое, и оно, без сомнения, такое же вымышленное, как и другие, мы, если позволите, остановимся на Арсене Люпене – под этим именем вас знают лучше.

Председатель заглянул в свои записи и продолжил:

– Ибо, несмотря на все поиски, невозможно установить вашу подлинную личность. Вы представляете собой довольно необычную в современном обществе разновидность человека, не имеющего прошлого. Мы не знаем, кто вы такой, откуда взялись, где прошло ваше детство, короче, не знаем ничего. Три года назад вы вдруг вынырнули неизвестно из какой среды и неожиданно явились перед нами в образе Арсена Люпена, представляющем собой странную смесь ума и порока, безнравственности и великодушия. Собранные нами сведения о вашей предыдущей жизни – скорее предположения. Возможно, некий Роста, выступавший восемь лет назад с фокусником Диксоном, был не кто иной, как Арсен Люпен. Не исключено, что русский студент, посещавший шесть лет назад лабораторию доктора Альтье в больнице Сен-Луи и частенько поражавший учителя изобретательностью своих гипотез в сфере бактериологии и смелостью опытов при изучении кожных заболеваний, был не кем иным, как Арсеном Люпеном. Арсен Люпен – это и тренер по японской борьбе, поселившийся в Париже задолго до того, как здесь заговорили о джиу-джитсу. Арсен Люпен, считаем мы, – это также гонщик велосипедист, завоевавший Большой приз Выставки, получивший 10 000 франков и более не объявившийся. Быть может, Арсен Люпен – это также тот человек, что спас столько людей через маленькое слуховое окно во время благотворительной распродажи... и ограбил их.

Помолчав немного, председатель закончил:

– Таков этот период, который, судя по всему, был не более чем тщательной подготовкой к развернутой вами борьбе против общества, методичной тренировкой, которая позволила вам в высшей степени развить вашу хитрость, энергию и ловкость. Признаете ли вы, что упомянутые факты действительно точны?

Во время этой речи обвиняемый переминался с ноги на ногу, горбился, руки у него повисли, как плети.

При более ярком свете стали заметны его крайняя бледность, впалые щеки, резко выделяющиеся скулы, землистый цвет лица, испещренного маленькими красными пятнами и обрамленного редкой бороденкой. Он сильно состарился и поблек в тюрьме. Ни элегантной фигуры, ни юного лица, которые были опубликованы на фотографиях газет, теперь было не узнать.

Можно было подумать, что он не слышит вопроса, который ему задали. Пришлось повторить его дважды. Тогда он поднял глаза, задумался, затем, сделав отчаянное усилие, прошептал:

– Бодрю, Дезире.

Председатель засмеялся:

– Я все никак не пойму, что за линию защиты вы выбрали, Арсен Люпен. Если вы собираетесь притворяться дураком или невменяемым, дело ваше. Что же касается меня, то я пойду прямо к цели, не считаясь с вашими причудами.

И он перешел к подробному изложению обстоятельств, связанных с кражами, мошенничествами и подлогами, в которых обвинялся Люпен. Иногда он обращался к подсудимому с вопросом. Тот бурчал что-то или не отвечал вовсе.

Начался допрос свидетелей. Последовало несколько незначущих, затем ряд серьезных показаний, отличающихся общей для всех особенностью: они противоречили друг другу. Непонятная неразбериха запутала дискуссию, но, когда в зал пригласили главного инспектора Ганимара, к ней вновь проснулся интерес.

Однако вначале старый полицейский несколько разочаровал аудиторию. Он выглядел не столько смущенным – бывал ведь и не в таких переделках – сколько озабоченным, находящимся не в своей тарелке. Несколько раз Ганимар бросал взгляд в сторону обвиняемого и был явно чем-то обеспокоен. Однако он рассказывал о поисках преступника по всей Европе, о поездке в Америку. Его слушали с такой жадностью, словно речь шла об увлекательнейших приключениях. Но в конце, намекая на свои беседы с Арсеном Люпеном, он дважды прерывался, казался рассеянным и нерешительным.

Было очевидно, что какая-то посторонняя мысль не давала ему покоя.

– Если вам нездоровится, лучше прервем ваши показания, – сказал председатель.

– Нет-нет, только...

Он замолчал, долго пристально посмотрел на обвиняемого и наконец заявил:

– Я прошу разрешения рассмотреть обвиняемого поближе. Тут что-то не сходится.

Он подошел к скамье подсудимых, сконцентрировав все свое внимание на обвиняемом, затем вернулся к месту для свидетелей и чуть ли не торжественным голосом произнес:

– Господин председатель, я утверждаю, что человек, который находится напротив меня, не Арсен Люпен.

Эти слова были встречены гробовым молчанием.

Но опешивший было председатель тут же воскликнул:

– Да что вы такое говорите! Вы с ума сошли!

Инспектор невозмутимо стоял на своем:

– На первый взгляд сходство действительно есть, я это признаю, и потому вполне можно обмануться, но стоит приглядеться... Нос, рот, волосы, цвет кожи... словом, это не Арсен Люпен. К тому же глаза! Разве у Люпена могут быть глаза пьяницы?

– Постойте, постойте, давайте разберемся. Что вы утверждаете, свидетель?

– Похоже, вместо себя он подsunул нам какого-то бедолагу, которого осудят за его преступления. Если только перед нами не его сообщник.

В зале, взбудораженном столь неожиданным поворотом дела, раздались крики, хохот, возгласы. Председатель велел вызвать следователя, начальника тюрьмы, надзирателей и объявил перерыв.

Когда заседание возобновилось, месье Бувье и начальник тюрьмы, оказавшиеся лицом к лицу с обвиняемым, заявили, что черты Арсена Люпена и этого человека имеют очень отдаленное сходство.

– Но тогда кто же этот человек? – вспыхнул председатель. – Откуда он взялся? Как попал в руки правосудия?

В зал пригласили двух надзирателей Санте. Поразительная неувязка: они узнали заключенного, которого по очереди охраняли!

– Да, да, я почти уверен, что это он.

– Как это почти?

– Черт возьми, я же видел его мельком. Преступника привели ко мне как-то вечером и два месяца напролет он пролежал на кровати лицом к стене.

– А до этих двух месяцев?

– Раньше он не сидел в 24-й камере.

Начальник тюрьмы дал уточнение по этому поводу:

– Мы перевели заключенного в другую камеру после его попытки к бегству.

– Ну а вы, господин начальник тюрьмы, видели его в эти два месяца?

– У меня не было повода встречаться с ним... он вел себя спокойно.

– И этот человек вовсе не тот заключенный, который был вверен вам?

– Нет.

– Тогда кто же он?

– Затрудняюсь ответить.

– Итак, подмена, совершенная два месяца назад, налицо. Как вы это объясните?

– Этого быть не могло.

– Неужели?

Видя, что тут ничего не добьешься, председатель повернулся к обвиняемому и доверительным тоном спросил:

– Послушайте, не могли бы вы объяснить мне, каким образом и с каких пор вы оказались во власти правосудия?

По-видимому, такое доброжелательное обращение рассеяло недоверие подсудимого, и с трудом, благодаря умело и мягко проведенному допросу, он сумел произнести несколько фраз, из которых получалось следующее: два месяца назад его забрали в участок, он провел там ночь и утро. Поскольку у арестованного не нашли ничего, кроме семидесяти пяти сантимов⁴, его отпустили. Но в тот момент, когда он пересекал двор, двое охранников скрутили ему руки и посадили в тюремный фургон. С тех пор он находился в 24-й камере, где было не так уж и плохо... кормят хорошо... можно выспаться... Поэтому он не протестовал...

Все это походило на правду. Голос председателя, отложившего разбирательство до следующего заседания в связи с необходимостью дополнительного расследования, утонул в дружном хохоте взбудораженной до предела публики.

Расследование тут же подтвердило этот факт, занесенный в тюремную книгу: восемь недель назад некий Бодрю Дезире провел ночь в полицейском участке. Освобожденный на следующий день, он покинул свою камеру в два часа пополудни. Но именно в этот день, в два часа Арсен Люпен, которого допрашивали в последний раз, вышел из кабинета следователя, чтобы вернуться в Санте в тюремном фургоне.

Быть может, охранники совершили ошибку? Уж не сами ли они поменяли узника на этого человека, обманувшись сходством, или просто отвлеклись на минуту? Это была халатность, в которой трудно заподозрить охранников, учитывая их послушный список.

⁴ Сантим – разменная денежная единица. Название происходит от латинского слова centum («сто»).

Была ли заранее подготовлена операция? Помимо того, что само место действия превращало ее в почти невыполнимое предприятие, обязательным условием успеха должно было бы быть сообщничество Бодрю, устроившего свой арест с единственной целью: занять место Арсена Люпена. Но тогда каким чудом подобный план, построенный исключительно на ряде неправдоподобно удачных совпадений, случайных встреч и фантастических ошибок, смог осуществиться?

Дезире Бодрю проверили через антропометрическую службу: карточек, содержащих данные о нем, не оказалось. Впрочем, следы этого человека были обнаружены легко. В Курбевуа, Аньере, Леваллуа он был известен. Жил на подавание, а спал в одной из лачуг старьевщиков, каких полно у Тернской заставы. Год назад он, однако, исчез.

Быть может, Арсен Люпен нанял его? Никаких оснований для подобного предположения не было. А если бы такое и случилось, к истории бегства заключенного ничего нового это не добавляло. Загадка оставалась по-прежнему неразрешимой. Из двадцати гипотез, претендующих на ее объяснение, ни одна не подходила полностью. Бесспорным оставался только факт бегства, необъяснимый и впечатляющий; общественность, так же как правосудие, догадывалась, что это кульминация давно готовившегося действия, включающего целую серию чудесным образом перепутанных между собой событий, развязка которых призвана оправдать справедливость высокомерного предупреждения Арсена Люпена: «Я не собираюсь присутствовать на моем процессе».

Месяц спустя, несмотря на тщательное расследование, загадка оставалась все так же неразрешимой. И разумеется, нельзя было бесконечно держать под стражей беднягу Бодрю. Судить его было бы смешно: какие обвинения можно было ему предъявить? Следователь подписал постановление о его освобождении. Но начальник тюрьмы решил установить за ним пристальное наблюдение.

Идея исходила от Ганимара. С его точки зрения, ни о сообщничестве, ни о случайности тут не могло быть и речи. Бодрю оказался игрушкой в руках Арсена Люпена, использовавшего беднягу с необыкновенной ловкостью. Бодрю освободили, но через него можно было добраться до Арсена Люпена или по меньшей мере до кого-нибудь из его окружения.

В помощь Ганимару выделили двух полицейских – Фольанфана и Дъези. И вот туманным январским утром перед Бодрю Дезире распахнулись двери тюрьмы.

Он замешкался и пошел, не имея, видно, никакого представления, чем теперь заняться. Прошел улицу Санте, затем Сен-Жак. У лавки старьевщика он снял жилет, продал его за несколько су, надел куртку и удалился.

Бодрю перешел на другой берег Сены. Около Шатле его обогнал омнибус. Он хотел сесть в него. Но свободных мест не оказалось. Контролер посоветовал ему купить билет, и Бодрю вошел в зал ожидания.

В этот момент Ганимар подозвал своих помощников и, не сводя глаз с кассы, быстро сказал им:

– Остановите коляску... нет, две, так надежнее. Я поеду с одним из вас, мы проследим за ним.

Полицейские бросились выполнять приказ. Бодрю, однако, не показывался. Ганимар вошел в зал ожидания: никого.

– Какой же я идиот! – прошептал он. – Забыл о втором выходе.

И в самом деле, зал ожидания коридором соединялся с аналогичным помещением на улице Сен-Мартен. Ганимар кинулся туда. Добежал как раз вовремя, чтобы увидеть Бодрю на империале «Батиньоль – Ботанический сад», поворачивающем за угол улицы Риволи. Ганимар побежал и догнал омнибус. Но потерял своих агентов. Теперь придется одному продолжать слежку.

В гневе он чуть не схватил Бодрю за воротник. Разве не преднамеренно, посредством простой, но хитроумной уловки этот, с позволения сказать, кретин увел его от помощников?

Инспектор посмотрел на Бодрю. Тот похрапывал на лавке, и его голова раскачивалась справа налево. Рот чуть приоткрыт, на лице – немыслимо тупая гримаса. Нет, такому противнику уж никак не провести старого Ганимара. Просто ему помог случай, и все.

На перекрестке у Галери Лафайет мужчина пересел из омнибуса в трамвай, отправлявшийся к Ая-Мюэт. Проехав по бульвару Османа и проспекту Виктора Гюго, Бодрю вышел лишь у станции метро «Ля Мюэт» и развязной походкой направился к Булонскому лесу. Он бесцельно бродил по аллеям еще час. Утомившись, он сел на скамейку на берегу маленького, затерянного среди деревьев озера, это место было совершенно безлюдным. Прошло еще полчаса и, потеряв терпение, Ганимар решил начать разговор.

Он подошел к скамье и сел рядом с Бодрю. Зажег сигарету, концом трости нарисовал несколько кругов на песке и сказал:

– Что-то прохладно.

Молчание. И вдруг в тишине раздался взрыв хохота, но хохота веселого, довольного – так смеется помирающий со смеху ребенок, когда не в силах сдержаться. Ганимар ощутил, как волосы на голове встают дыбом. Этот безудержный демонический смех так хорошо ему знаком!..

Резким движением он схватил мужчину за лацканы пиджака, пристально всмотрелся в его лицо, но перед Ганимаром был не тот человек, которого он видел в зале суда. Точнее, это был он, но в то же время другой, настоящий.

Ганимар пытался разглядеть исхудавшие черты лица под слоем грима и постепенно узнавал искрящиеся жизнью глаза. То были глаза и рот другого человека, а главное – выражение лица: пронизательное, живое, насмешливое, умное, такое безмятежное и молодое!

– Арсен Люпен, Арсен Люпен, – пробормотал инспектор.

И вдруг в припадке злости он сомкнул руки вокруг его шеи. Несмотря на свои пятьдесят лет, Ганимар обладал еще недюжинной силой, тогда как его противник казался довольно хилым. Какая это будет победа, если удастся отвести Люпена назад!

Борьба длилась недолго. Арсен Люпен с трудом защищался, но вдруг правая рука полицейского повисла, как плеть, и одеревенела.

– Если бы на набережной Орфевр вас обучали джиу-джитсу, – заявил Люпен, – вы бы знали, что этот прием по-японски называют уди-шаги.

И холодно добавил:

– Еще секунда, и рука была бы сломана, впрочем, вы получили бы по заслугам. Подумать только, старый друг, которого я так уважаю, кому я, не раздумывая, открываю свое инкогнито, злоупотребляет моим доверием! Плохо... Ну, говорите, что там у вас?

Ганимар молчал. Он считал себя виновным в случившемся побеге. Разве не он своим сенсационным свидетельством ввел правосудие в заблуждение? Да, этот побег ляжет позорным пятном на его карьеру. К седым усам скатилась слеза.

– Боже мой, Ганимар, не расстраивайтесь: не вы, так кто-нибудь другой сказал бы то же самое, я бы устроил это. Полноте, не мог же я допустить, чтобы приговорили Бодрю Дезире?

– Значит, – прошептал Ганимар, – там сидели вы? И здесь тоже вы!

– Я, всегда я и только я.

– Невероятно.

– О! Для этого вовсе не надо быть колдуном. Достаточно, как сказал наш славный председатель, потренироваться с десятков лет и будешь готов к любым неожиданностям.

– Ну а лицо, глаза?

– Вы же прекрасно понимаете: уж если я полтора года проработал в Сен-Луи с доктором Альтье, то вовсе не из любви к искусству. Я решил, что тот, кто однажды будет иметь

честь называть себя Арсеном Люпенем, должен освободиться от диктата естественных законов, определяющих внешний вид и характер. Внешность? Ее ведь можно изменять по своему усмотрению. Одна подкожная парафиновая инъекция – и кожа вздуется. Пирогалловая кислота превратит вас в могиканина. Сок чистотела украсит вас лишаями и опухолями в лучшем виде. Один химический препарат воздействует на рост бороды и волос, другой – на тембр голоса. Прибавьте к этому два месяца диеты в камере № 24 и тысячу раз повторенные упражнения, чтобы рот открывался именно с такой вот ухмылкой, чтобы голова привыкла держаться немного набок, а спина сгибалась под нужным углом. Наконец, пять капель атропина в глаза, чтобы получился блуждающий, отстраненный взгляд, – и дело в шляпе.

– Я не понимаю, как надзиратели...

– Превращение происходило постепенно. Они не могли заметить ежедневных изменений.

– Ну а Бодрю Дезире?

– Бодрю существует. Бедняга здесь совсем ни при чем. Я познакомился с ним в прошлом году, и действительно в некотором сходстве со мной ему не откажешь. На случай ареста – а он всегда возможен – я устроил его в надежном месте и прежде всего занялся выявлением черт, отличающих нас друг от друга, чтобы сделать их, насколько возможно, незаметными в моем внешнем облике. Мои друзья устроили так, чтобы он провел ночь в полицейском участке и был выпущен примерно в тот же час, когда выходил я, чтобы это совпадение легко было установить. Необходимо было оставить след его пребывания в участке, иначе правосудие попыталось бы узнать, кто я такой. Тогда как, преподнеся им этого чудного Бодрю, оно неизбежно, слышите, неизбежно должно было ухватиться за него и, несмотря на непреодолимые трудности при подобной подмене, предпочло бы скорее поверить в нее, нежели расписаться в своем бессилии.

– Да-да, действительно так, – прошептал Ганимар.

– И потом, – воскликнул Арсен Люпен, – у меня в руках был потрясающий козырь, подсунутый мною с самого начала: всеобщее ожидание моего бегства. Вот она, грубая ошибка, допущенная вами и остальными в затеянной мною захватывающей игре с правосудием, где ставкой была моя свобода: вы в очередной раз предположили, что я действую из фанфаронства и опьянен своими успехами. Чтобы я, Арсен Люпен, был так мелок! И так же, как в деле Каорна, вы не сказали себе: «Если Арсен Люпен кричит на весь мир, что убежит, значит, у него есть причины, вынуждающие сделать это». Черт возьми, поймите же, что для того, чтобы бежать... не убегая, надо было заставить всех заранее поверить в это бегство, мой побег должен был стать догмой, абсолютной убежденностью, истиной, непреложной, как солнечный свет. Так все и произошло, в соответствии с моим планом. А когда вы встали и сказали: «Этот человек не Арсен Люпен», было бы противоестественным, если бы все тут же не поверили этому. Если бы хоть один человек усомнился, хотя бы один осмелился возразить: «А вдруг это все же Арсен Люпен», в ту же минуту я бы погиб. Достаточно было наклониться ко мне, но не с мыслью о том, что я не Арсен Люпен, то, несмотря на все мои ухищрения, меня бы узнали. Но я был спокоен, потому что эта простая идея никому не могла прийти в голову.

Вдруг он схватил полицейского за руку.

– Ну признайтесь, Ганимар, через неделю после нашего разговора в Санте вы ведь ждали меня в четыре часа у себя дома, как я вас просил?

– А ваш тюремный фургон? – сказал Ганимар, избегая ответа.

– Блеф! Мои друзья подлатали и подменили старый, вышедший из строя фургон, они хотели освободить меня с его помощью. Но я знал, что план с фургоном совершенно негоден для побега, если только не произойдет удачное стечение обстоятельств. Однако решил, что будет полезно придать побегу как можно большую огласку. Дерзость первой попытки гарантировала успех второй, ибо все поверили, что он уже произошел.

– То же самое с сигарой...

– С сигарой и ножом.

– А записки?

– Их тоже написал я.

– А таинственная корреспондентка?

– Мы с ней одно целое. Ведь для меня изменить почерк – пара пустяков.

Ганимар секунду подумал и возразил:

– Но как же могло случиться, что в антропометрической службе, когда достали карточку Бодрю, никто не заметил ее сходства с карточкой Арсена Люпена?

– Карточки Арсена Люпена не существует.

– Ну и ну!

– Или в лучшем случае она фальшивая. Эту проблему я долго изучал. Система Бертильона⁵ включает прежде всего визуальные данные, а затем уже измерения: головы, пальцев, ушей и т. д. Вы сами видите, что этот метод не безупречен, здесь уж ничего не поделаешь.

– Значит?

– Значит, пришлось заплатить. Еще до моего возвращения из Америки один из сотрудников этой службы согласился вписать ложные данные в мою карточку. Этого достаточно, чтобы вся система рухнула, и чтобы карточка попала совсем в другой ящик. Следовательно, карточка Бодрю не могла быть рядом с карточкой Арсена Люпена.

Опять воцарилось молчание, затем Ганимар спросил:

– А теперь что вы намерены делать?

– Теперь, – воскликнул Люпен, – я собираюсь отдохнуть, наесться до отвала и постепенно снова стать самим собой. Очень приятно побыть Бодрю или кем-то другим, сменить свою сущность, как рубашку, выбрав ту или иную внешность, голос, взгляд, почерк. Но порой после всего этого бывает трудно узнать самого себя, что довольно грустно. Сейчас я испытываю нечто подобное тому, что чувствует человек, утративший свою тень. И пытаюсь найти себя... вновь обрести свое «я».

Он прошелся взад-вперед. Дневной свет сменился легкими сумерками. Люпен остановился перед Ганимаром.

– Нам, полагаю, больше нечего сказать друг другу?

– Да, – ответил инспектор, – я хотел бы знать, откроете ли вы правду о вашем бегстве... Ошибка, допущенная мною...

– О! Никто никогда не узнает, что вы отпустили Арсена Люпена. Я слишком заинтересован в том, чтобы с моим именем были связаны самые загадочные тайны, и потому не хочу лишать это бегство его фантастического ореола. Ничего не бойтесь, мой добрый друг, и прощайте. Сегодня вечером я ужинаю в городе, а мне еще надо успеть переодеться.

– А я уж поверил, что вы горите желанием отдохнуть.

– Увы! Есть светские обязанности, которых невозможно избежать. Отдых начнется завтра.

– А где состоится ужин?

– В английском посольстве.

⁵ Бертильонаж – система идентификации преступников по их антропометрическим данным; получила название по имени ее изобретателя – Альфонса Бертильона.

Таинственный пассажир

Накануне я распорядился, чтобы мой автомобиль перегнали в Руан по шоссе. А сам поехал на поезде, собираясь пересест там за руль и отправиться к друзьям, которые живут на берегу Сены. Однако в Париже, за несколько минут до отправления, в мое купе ввалилось семеро мужчин; пятеро из них курили.

И хотя в скором поезде ехать предстояло недолго, перспектива провести все это время в такой компании меня не радовала, тем более что наш вагон был старой конструкции, и в нем не было коридора. Так что я взял пальто, газеты, свой путеводитель и сбежал в одно из соседних купе.

При моем появлении женщина, находившаяся в купе, так передернулась от досады, что я не мог этого не заметить, затем склонилась к мужчине, стоявшему на подножке, – наверное, мужу, провожавшему ее на вокзале. Этот господин оглядел меня, но осмотр, видимо, завершился в мою пользу, так как он с улыбкой, словно успокаивая напуганного ребенка, что-то тихо сказал жене. После этого она по-дружески улыбнулась, будто поняла, что я принадлежу к той породе галантных мужчин, с которыми женщина может провести два часа в запертой комнате – шесть шагов в длину, шесть в ширину – без всякой опаски.

Муж сказал ей:

– Не сердись, дорогая, но у меня неотложная встреча, я не могу больше ждать.

Он нежно поцеловал ее и ушел, а женщина посылала ему вслед воздушные поцелуи и махала платком.

Но вот раздался свисток. Поезд тронулся. Именно в этот момент, несмотря на сопротивление проводников, дверь открылась, и в нашем купе появился мужчина. Моя спутница, раскладывая вещи, вскрикнула от страха и упала на сиденье.

Я не был трусом, но, признаться, такие вторжения в последнюю минуту всегда неприятны. Они воспринимаются превратно, кажутся не очень естественными. Так и ждешь какого-нибудь подвоха...

Однако внешность новоприбывшего и его манеры сгладили неприятное ощущение, вызванное его появлением. Элегантен, модный галстук, чистые перчатки, красивое лицо.

Черт возьми, где-то я его видел, но где? Во мне как будто проснулось воспоминание, которое обычно остается после многократного созерцания портрета. И в то же время я чувствовал, что рыться в памяти бесполезно, настолько это воспоминание было зыбким и расплывчатым.

Переключив свое внимание на даму, я был поражен тем, как она побледнела и как исказились черты ее лица. Она смотрела на нашего попутчика с откровенным ужасом, и я заметил, что ее дрожащая рука потянулась к маленькому саквояжу, лежавшему на сиденье в двадцати сантиметрах от нее. В конце концов она дотянулась до него и нервным движением прижала к себе.

Наши взгляды встретились, и я увидел в ее глазах такую боль и тревогу, что, не удержавшись, спросил:

– Вы плохо себя чувствуете, мадам? Не открыть ли окно?

Ничего не ответив, она испуганно указала мне на нашего спутника. Я улыбнулся так же, как ранее ее муж, и знаками объяснил, что ей нечего бояться, ведь я нахожусь рядом и что этот господин, кажется, совсем не опасен.

В этот момент он обернулся, оглядел нас с ног до головы, затем забился в свой угол и больше не шевелился.

Стало тихо, но дама, видимо, собрав всю свою энергию перед отчаянным шагом, прошептала мне еле слышным голосом:

– Знаете ли вы, кто находится в нашем купе?

– Кто?

– Это же он... он... я вас уверяю.

– Кто он?

– Арсен Люпен.

Она не спускала глаз с пассажира, который надвинул кепку на лицо. Для того чтобы скрыть замешательство или просто-напросто собирался заснуть?

Я попытался возразить даме:

– Арсена Люпена вчера заочно приговорили к двадцати годам каторжных работ. И маловероятно, что уже сегодня он будет настолько опрометчив, чтобы показаться на людях. Кроме того, газеты, если не ошибаюсь, сообщили, что этой зимой, после нашествие побег из Санте, его видели в Турции.

– Он едет в нашем поезде, – повторила дама, стараясь говорить громче, явно для того, чтобы ее услышал наш спутник, – мой муж заместитель начальника управления исправительных учреждений, и сам комиссар вокзала сообщил нам, что ищут Арсена Люпена.

– Это еще не основание...

– Его видели в зале ожидания. Он взял билет до Руана, в первый класс.

– Но ведь его легко было арестовать.

– Он исчез. Контролер у входа в зал ожидания не видел его, предполагают, что он прошел через пригородный перрон и зашел в экспресс, который отходит на десять минут позже нашего поезда.

– В таком случае его, наверное, там и взяли.

– А если в последний момент он выпрыгнул из своего вагона и перебрался сюда, на наш поезд... вполне вероятно?

– Значит, его схватят здесь. Служащие вокзала и полицейские не могли не заметить этого скачка из одного поезда в другой, и когда мы прибудем в Руан, его непременно поймают.

– Его – никогда! Он опять найдет способ улизнуть.

– В таком случае я желаю ему счастливого пути!

– Но до тех пор он такого натворит!

– Что именно?

– Откуда мне знать? Тут можно ожидать чего угодно!

– Действительно, бывают любопытные совпадения... – бросил я ей как бы невзначай. – Но успокойтесь. Даже если Арсен Люпен едет в одном из вагонов этого поезда, вести себя он будет очень смирно; и чтобы не навлечь на свою голову новых неприятностей, наверное, будет думать только о том, как бы избежать угрожающей ему опасности.

Мои слова несколько не успокоили ее. Тем не менее она промолчала, не желая, видимо, показаться бестактной.

Я же стал перелистывать газеты и прочел отчеты о процессе Арсена Люпена. Поскольку в них не содержалось ничего нового, они меня не слишком заинтересовали. Кроме того, я не выспался, поэтому скоро почувствовал, как веки мои тяжелеют, а голова клонится набок.

– О, месье, не надо спать!

Дама вырвала из моих рук газету и сердито посмотрела на меня.

– Конечно, – ответил я, – я и не собирался.

– Это было бы крайне неосторожно, – заметила она.

– Крайне неосторожно, – повторил я.

И после ее замечания я изо всех сил боролся со сном, цепляясь взглядом за окружающий пейзаж. Но вскоре все это растворилось, образы возбужденной дамы и дремлющего господина вылетели из моей головы, по всему телу разлилось спокойствие, и я погрузился в сон. Я видел расплывчатые и легкие сны, в которых центральное место занимал персонаж, игравший роль и носящий имя Арсена Люпена. Он забирался в окна и опустошал замки, унося с собой дра-

гоценности. Но силуэт этого человека, который уже не был Арсеном Люпенем, становился все четче и в конечном итоге очутился прямо передо мной.

Острая боль... душераздирающий крик. Я проснулся из-за того, что мужчина сжимал мне горло, придавив коленом грудь. Женщина забилась в угол и корчилась в нервном припадке. Я не успел начать сопротивляться, силы стремительно покидали тело, в висках стучало, не хватало воздуха... Еще минута, и наступило бы удушье.

Мужчина, видно, почувствовал это и отпустил мое горло. Однако, не отодвинувшись ни на йоту, правой рукой он вытащил веревку с заранее подготовленной петлей и резким движением стянул мне запястья. В одну секунду я оказался связан и с кляпом во рту.

Все манипуляции он проделал с ловкостью профессионального вора и преступника. Ни одного слова, ни одного лихорадочного движения. И вот я сижу в купе, связанный, как мумия. Я! Арсен Люпен!

Смех, да и только! Оказавшись в сложной ситуации, я не мог не оценить ее комизм. Облапошить Арсена Люпена как первоклашку! Обобрать как последнего простофилю, бандит, конечно же, не побрезговал моим кошельком! Арсен Люпен – одуроченная жертва. Вот так история!

Грабитель, не обращая внимания на даму, схватил ее сумочку, валявшуюся на ковре, и вынул из нее все драгоценности и кошелек. Женщина, дрожа от страха, сняла свои кольца и протянула бандиту, после этого потеряла сознание.

С прежним холоднокровием мужчина вернулся на свое место, закурил сигарету и приступил к тщательному осмотру своей наживы, которая, судя по всему, удовлетворила его. Я же был удовлетворен значительно меньше. И дело тут не в двенадцати тысячах франков, которых меня столь бесцеремонно лишили: с этой потерей я смирился, но ненадолго, потому что не сомневался, что деньги вернутся ко мне в самое ближайшее время, как и те важные бумаги, что оказались у мужчины: планы, расчеты, адреса, списки корреспондентов, компрометирующие письма. В этот момент у меня был более серьезный, первоочередной повод для беспокойства.

Что произойдет дальше?

Как вы понимаете, суматоха, вызванная моим появлением на вокзале Сен-Лазар, не ускользнула от меня. Отправляясь в гости к друзьям, которые знали меня под именем Гийома Берла и добродушно подтрунивали над моим сходством с Арсеном Люпенем, загримироваться как следует я не мог, потому-то и поднялась шумиха. Более того, видели человека, перескочившего из экспресса в поезд. Кто же это мог быть, как не Арсен Люпен? Следовательно, комиссар Руана, предупрежденный телеграммой, в сопровождении внушительного отряда полицейских неизбежно окажется на перроне в ожидании поезда, будет расспрашивать о всех подозрительных пассажирах и тщательно обследует каждый вагон.

Все это я предвидел, но особенно не беспокоился, будучи уверенным в том, что полиция Руана не прозорливее парижской и я сумею проскочить незамеченным. Разве недостаточно было бы при выходе из вагона небрежно показать свое депутатское удостоверение, благодаря которому я уже внушил полное доверие контролеру на вокзале Сен-Лазар? Но обстоятельства изменились. И ни один из моих обычных трюков теперь не поможет. В одном из вагонов комиссар обнаружит господина Арсена Люпена, посланного ему счастливым случаем, связанного по рукам и ногам, смирного, как овечка. Полицейскому останется только получить груз, как получают на вокзале адресованную вам почтовую посылку или корзину с овощами и фруктами.

Но как же мне избежать столь неприятной развязки?

Поезд, оставив позади Вернон и Сен-Пьер, мчался в сторону Руана, последней станции.

Занимала меня и другая проблема, хотя прямого отношения ко мне она не имела, но пробуждала чисто профессиональное любопытство. Какие были намерения нашего спутника?

Если бы я был один, в Руане он бы успел совершенно спокойно выйти из вагона и скрыться. Но дама? Стоит двери купе открыться, как она, послушная и тихая в данный момент,

станет звать на помощь. Вот что меня и удивило! Почему он не связал ее так же, как меня, ведь это позволило бы ему бесследно испариться до того, как обнаружилось бы его двойное злодеяние?

Наш спутник по-прежнему курил, уставившись в окно, которое несмелые капли дождя начинали разрисовывать длинными косыми линиями. Один раз он все же пошевелился, взял мою железнодорожную карту и что-то проверил по ней. Дама продолжала старательно изображать обморок, но приступы кашля, вызванные дымом, выдавали ее. Мне же было совсем не по себе, нещадно ныли суставы. Я лихорадочно прикидывал, что делать дальше.

Пон-де-л'Арш, Уассель... Поезд стремительно мчался вперед, опьянев от скорости, стучали колеса. Сент-Этьен... В этот момент мужчина встал и подошел к нам, на что дама поспешила отреагировать новым криком и непритворным обмороком.

Что же задумал наш попутчик? Он открыл окно, дождь лил теперь как из ведра, мужчина чуть отстранился, раздраженный тем, что у него нет ни зонтика, ни пальто. Бросил взгляд на дамский зонтик, затем одел мое пальто. Поезд продолжал мчаться над Сеной. Бандит повернул брюки, а затем приподнял дверную задвижку. Он что, собрался выпрыгнуть на ходу?! При такой скорости мужчина неизбежно погибнет. Поезд ворвался в туннель, проходящий под холмом Сент-Катрин. Преступник приоткрыл дверцу, нащупал ногой первую ступеньку. Какое безумие! Тьма, дым, грохот... Абсурдность подобной попытки казалась очевидной. Но вдруг поезд замедлил ход, а через минуту состав уже двигался медленно, затем – еле-еле. По всей видимости, в этой части туннеля велись работы по укреплению свода, отсюда и необходимость замедлить ход поезда; вероятно, работы начались лишь несколько дней назад, и это было известно нашему попутчику.

Ему оставалось поставить другую ногу на верхнюю ступеньку и спуститься, не забыв предварительно опустить щеколду и запереть дверцу. Едва он исчез, поезд выехал в долину. Еще один туннель, и мы уже в Руане.

Дама тут же пришла в себя и принялась оплакивать утраченные драгоценности. Я взглядом ей дал понять, что задыхаюсь, и она освободила меня от кляпа. Затем хотела развязать путы, но я воспротивился.

– Нет-нет, пусть полиция увидит все, как есть. Я хочу, чтобы они знали, что сделал этот негодяй.

– А может быть, мне нажать на стоп-кран?

– Слишком поздно, это надо было делать, когда он набросился на меня.

– Но он мог меня убить! О, месье! Я же говорила вам, что Арсен Люпен едет в нашем поезде! Я узнала его по портрету. А теперь он убежал, прихватив с собой мои драгоценности.

– Его найдут, не беспокойтесь.

– Найти Арсена Люпена? Невозможно!

– Это зависит от вас, мадам. Послушайте, как только мы приедем, зовите на помощь, в нескольких словах расскажите обо всем, что вы видели: о нападении, жертвой которого я стал, и о бегстве Арсена Люпена, опишите его, упомянув о кепке, женском зонтике и сером приталенном пальто.

– Вашем пальто, – уточнила она.

– Как моем? Нет, его. У меня не было пальто.

– Мне показалось, что, когда он вошел, тоже был без пальто.

– Да, конечно... если только ранее кто-нибудь не забыл свою одежду в купе. Во всяком случае, когда он убежал, на нем было серое приталенное пальто, и это главное. Забыл! Сначала назовите свое имя, положение вашего мужа подстегнет усердие местной полиции.

Поезд начал приближаться к перрону, дама уже высунулась из дверцы, тогда я заговорил твердым, почти повелительным тоном, чтобы мои слова хорошенько запечатлелись у нее в памяти:

– Назовите и мое имя, Гийом Берла. Если надо, скажете, что я ваш знакомый. Это позволит нам выиграть время. Нужно быстрее покончить с предварительным расследованием, потому что главное – погоня за Арсеном Люпенем и ваши драгоценности... Вы не ошибетесь, не правда ли? Гийом Берла, друг вашего мужа.

– Договорились... Гийом Берла.

Размахивая руками, она уже звала на помощь. Едва поезд остановился, и уже какой-то господин в сопровождении нескольких человек поднялся в вагон. Час икс настал.

Задыхаясь, дама воскликнула:

– Арсен Люпен... он набросился на нас... украл мои драгоценности... Я мадам Рено... Мой муж – заместитель начальника управления тюрем. О! Посмотрите, вот как раз и мой брат, Жорж Ардель, директор Руанского банка, вы должны его знать...

Она вцепилась в подошедшего молодого мужчину, с которым поздоровался полицейский комиссар, и срывающимся голосом продолжала:

– Когда месье заснул, Арсен Люпен набросился на него и начал душить... Месье Берла, друг моего мужа.

– Но где же Арсен Люпен? – спросил комиссар.

– Он выпрыгнул из поезда в туннеле, за Сеной.

– Вы уверены, что это был он?

– Уверена ли я? Конечно, я его узнала. К тому же его видели на вокзале Сен-Лазар. На нем была кепка.

– Да нет... шляпа из жесткого фетра, как вот эта, – поправил ее комиссар, показав на мою шляпу.

– Кепка, я уверена, – повторила мадам Рено, – и серое приталенное пальто.

– Действительно, – пробормотал комиссар, – в телеграмме упомянуто серое пальто, приталенное и с черным бархатным воротником.

– Верно, с черным бархатным воротником, – торжествующе воскликнула мадам Рено.

Я облегченно вздохнул. О! Моя храбрая, моя великолепная спутница, как вы оказались кстати!

Тем временем полицейские освободили меня от пут, и я, как подобает человеку, который долгое время просидел в неудобной позе, прикладывая платок к окровавленным губам, сказал комиссару ослабевшим голосом:

– Месье, это был Арсен Люпен, сомнений нет. Если не мешкать, его еще можно поймать. Надеюсь, что смогу быть вам чем-то полезен.

Вагон, который стал местом преступления, был отцеплен от состава, а поезд отправился дальше, в Гавр. Нас повели в кабинет начальника вокзала сквозь толпу любопытных, заполнивших перрон. Я легко могу найти предлог, чтобы удалиться, найти свой автомобиль и бежать, потому что дальнейшее ожидание было опасным. Достаточно было какого-нибудь инцидента или новой телеграммы из Парижа, и я пропал. Да, но мой вор? Оказавшись в незнакомом месте и без средств, я вряд ли могу его найти.

«Что ж! Рискнем, – подумал я, – и останемся. Партию выиграть будет трудно! Но ставка того стоит».

Нас попросили еще раз повторить показания, поэтому я сказал:

– Господин комиссар, сейчас Арсен Люпен опережает нас. Мой автомобиль стоит во дворе. Если вы окажете мне честь и сядете в него, мы попытаемся...

Комиссар хитро улыбнулся:

– Идея неплоха... настолько неплоха, что уже осуществляется.

– О!

– Да, месье, некоторое время назад два моих сотрудника уже отправились на велосипедах...

– Но куда?

– К выходу из туннеля. Там они будут искать следы Арсена Люпена и соберут свидетельские показания.

Я лишь пожал плечами.

– Ваши сотрудники ни следов не найдут, ни показаний не соберут.

– Неужели?

– Люпен позаботился о том, чтобы никто не увидел, как он выходит из туннеля. Он доберется до ближайшей дороги и оттуда...

– И оттуда – в Руан, где мы его и поймем.

– Он не собирается в Руан.

– Значит, будет бродить в его окрестностях, здесь мы тоже чувствуем себя уверенно.

– Он не останется в окрестностях.

– Да ну! И где же он будет прятаться?

Я достал часы и сверил время.

– В настоящее время Арсен Люпен находится неподалеку от вокзала Дарнеталь. В десять часов пятьдесят минут, то есть через двадцать две минуты, на Северном вокзале он сядет в поезд, следующий из Руана в Амьен.

– Вы полагаете? Но откуда вам это известно?

– О! Все очень просто. В купе Люпен изучал мою железнодорожную карту. Зачем? Чтобы узнать, нет ли неподалеку от того места, где он высадится, другой линии железной дороги. Я тоже изучал эту карту, вот почему у меня появилась эта идея.

– Прекрасно, месье, – сказал комиссар, – великолепная догадка. Какая компетентность!

Но, увлекшись своей игрой, я допустил оплошность, продемонстрировав свою излишнюю осведомленность. Теперь полицейский рассматривал меня с удивлением, казалось, им овладело какое-то смутное подозрение. Фотографии, разосланные повсюду полицией, были плохого качества, Арсен Люпен выглядел на них совсем не похожим на того человека, что стоял перед комиссаром, и узнать его было невозможно. И все же полицейский был чем-то озабочен. Еще минуту все молчали, настороженность повисла в воздухе и не давала продолжить разговор. Меня пробрала дрожь и стало как-то не по себе. Неужели удача отвернется от меня? Овладев собой, я засмеялся.

– Господи, неужели вы не понимаете, что я хочу получить назад свой бумажник?! И если бы вы согласились отпустить меня в погоню с двумя вашими сотрудниками, то вместе мы смогли бы ...

– Прошу вас, господин комиссар, – воскликнула мадам Рено, – послушайте господина Берла!

Вмешательство моей прекрасной попутчицы решило дело. Фамилия Берла в устах жены влиятельного человека действительно становилась моей и удостоверяла мою личность настолько, что никакие подозрения были недопустимы. Комиссар сказал:

– Уверяю вас, месье Берла, я так же, как и вы, заинтересован в аресте Арсена Люпена.

Он проводил меня до автомобиля, в который вместе со мной сели еще два сотрудника полиции, Оноре Массоль и Гастон Деливе. Я занял место за рулем, механик завел мотор. Через несколько секунд мы покинули вокзальную площадь. Я был спасен!

Проезжая по бульварам старого нормандского города на огромной скорости, я испытывал чувство гордости. Мелодично гудел мотор, за окнами моего «Моро-Лептона»⁶ проносились деревья. Опасность миновала, но я был озабочен только тем, как уладить личные про-

⁶ «Моро-Лептон» – марка автомобиля, выдуманная Морисом Лебланом. Прототипом, вероятно, послужил «Мерседес Фазтон», мощностью 35 л. с.

блемы с помощью двух достойных представителей власти. Арсен Люпен ехал на поиски Арсена Люпена!

Скромные защитники общественного порядка, Деливе Гастон и Массоль Оноре, как бесценна для меня ваша помощь. Что бы я делал без вас? Без вашей помощи Арсен Люпен сбился бы с пути, а другой улизнул!

Но не все еще было кончено. Во-первых, мне необходимо было догнать вора и завладеть бумагами, которые он у меня похитил. Ни за что на свете нельзя было допустить, чтобы мои помощники сунули нос в эти документы, а тем более заполучили их. Использовать полицейских, но действовать без них – вот чего я хотел, и это было совсем не легко осуществить.

На вокзал Дарнеталь мы опоздали на три минуты, поезд уже ушел. Правда, я успокоился, узнав, что какой-то человек в сером приталенном пальто с черным бархатным воротником поднялся в купе второго класса с билетом до Амьена. Мои первые шаги в качестве сыщика оказались многообещающими.

Деливе сказал мне:

– Этот поезд остановится только в Монтеролье-Бюши через девятнадцать минут. Если мы не прибудем туда раньше Арсена Люпена, он сможет добраться до Амьена или пересесть в поезд на Клер, а оттуда направиться в Дьепп или Париж.

– Далеко ли до Монтеролье?

– Двадцать три километра.

– Двадцать три километра за девятнадцать минут... мы попадем туда раньше его.

Захватывающая гонка! Никогда еще мой автомобиль не отзывался на мое нетерпение с такой отдачей и четкостью. Казалось, ему передается моя воля напрямую, без посредничества руля и рычагов. Автомобиль разделял мои желания. Одобрял мое упорство. Понимал мою злость на этого кретина «Арсена Люпена». Лицемер! Предатель! Сумею ли я одержать верх над ним? Посмеется ли он еще раз над репутацией того, в кого воплотился?

– Направо! – кричал Деливе. – Налево! Прямо!..

Мы летели над землей. Дорожные знаки казались маленькими пугливыми зверьками, падавшими в обморок при нашем приближении. Вот мы нагнали облако дыма, показался Северный экспресс. На протяжении километра шла борьба, бок о бок, борьба неравная, исход которой был неясен. К моменту прибытия поезда мы обогнали его на двадцать корпусов. За несколько секунд мы добежали до перрона, к вагону второго класса. Дверцы открылись, вышло несколько человек, среди которых моего вора не оказалось. Мы осмотрели купе. Нет Арсена Люпена!

– Черт возьми! – воскликнул я. – Он, наверное, увидел мой автомобиль, когда мы ехали рядом с поездом, узнал меня и спрыгнул.

Начальник поезда подтвердил это предположение. Он видел человека, скатившегося по насыпи в двухстах метрах от вокзала.

– Смотрите, вон там... он переходит железнодорожный переезд.

Я бросился вперед, но меня обогнал мой помощник Массоль, который оказался отличным бегуном, и за несколько секунд значительно сократил расстояние, отделявшее его от беглеца. Вор заметил это и попытался скрыться в роще. Когда мы добрались до леса, Массоль нас уже ждал. Он решил, что не нужно преследовать преступника дальше, иначе он нас потеряет.

– Поздравляю вас, мой дорогой друг, – сказал я ему. – После такой гонки этот парень наверняка выдохся. Он у нас в руках.

Я осмотрел местность, подыскивая место, где можно арестовать беглеца без свидетелей, чтобы самому провести изъятие вещей, чего наверняка не допустили бы стражи правопорядка без предварительных неприятных расспросов. Затем вернулся к моим спутникам.

– Так вот, все очень просто. Вы, Массоль, стойте здесь, слева. А вы, Деливе, – справа. Наблюдайте отсюда за дальней опушкой, он не сможет выйти из рощи так, чтобы вы его не

заметили, если только не пойдет по оврагу, где буду поджидать его я. Если он не выйдет, я пойду за ним сам и погоню к одному из вас. Вам надо только его встретить. Забыл сказать, сигнал тревоги – выстрел.

Массоль и Деливе заняли позиции, дождавшись, когда они скроются, я устремился в лес, стараясь идти осторожно, чтобы меня было не видно и не слышно. Я шел, согнувшись по узким тропкам среди густых зарослей, которые были протоптаны для охоты. Одна из тропинок привела на поляну; на мокрой траве еще сохранялись чьи-то следы. Я пошел по ним, стараясь незаметно проскользнуть сквозь лесную поросль. Следы привели меня к небольшому холмику, на котором возвышалась полуразрушенная хибара, построенная из строительных отходов.

«Он должен быть там, – подумал я. – Удачно выбрал наблюдательный пункт».

Я подобрался поближе к дому. Легкий шорох выдал присутствие беглеца, и действительно, через дверной проем я увидел, что он сидит ко мне спиной.

В два прыжка я преодолел разделявшее нас расстояние и набросился на него, беглец попытался навести на меня пистолет, который держал в руках. Но выстрелить не успел, я повалил его на землю, завел его руки за спину и коленом придавил спину.

– Послушай, парень, – я шепнул ему на ухо, – перед тобой настоящий Арсен Люпен. Ты сейчас же вернешь мне мой бумажник и сумочку дамы, а в благодарность за добровольное сотрудничество я вытащу тебя из лап полиции и разрешу стать моим другом. Одно только слово: да или нет.

– Да, – прошептал он.

– Тем лучше. Сегодня утром ты красиво обстряпал свое дело. Мы пойдем друг друга.

Я отпустил беглеца, тот резко вынул большой нож из кармана и попытался ударить меня.

– Идиот! – воскликнул я.

Одной рукой я отразил удар, другой со всей силы ударил в сонную артерию, и мужчина упал как подкошенный. Я стал изучать его вещи, нашел свой бумажник с документами и деньгами, но мне было интересно, что есть еще. На конверте, который я обнаружил, было написано: Пьеру Онфрэ. Я вздрогнул от поразившей меня догадки, Пьер Онфрэ – убийца с улицы Лафонтена, в Отей! Пьер Онфрэ – мужчина, зарезавший мадам Дельбуа и двух ее дочерей. Я склонился над ним, чтобы лучше разглядеть то самое лицо, которое видел в газетах.

Время шло, поэтому я засунул в конверт две купюры по сто франков, визитную карточку и записку:

Арсен Люпен – своим коллегам Оноре Массолю и Гастону Деливе, в знак признательности.

Затем положил конверт посреди комнаты, рядом – сумочку мадам Рено. Я ведь мог и не возвращать ее замечательной попутчице, которая помогла мне? Каюсь, но я все же вынул оттуда все, что представляло хоть какую-то ценность, оставив лишь черепаховую расческу и пустой кошелек. Дело есть дело! К тому же ремесло ее мужа слишком постыдно!

Но что делать с убийцей? Он начал приходить в себя, а у меня не было желания ни спасать его, ни выносить приговор. Я забрал у него револьвер и выстрелил в воздух. «Эти двое сейчас явятся, – подумал я, – пусть сам выпутывается! Все будет так, как предначертано судьбой».

И побежал по тропинке, ведущей к оврагу. Через двадцать минут проселочная дорога, которую я заметил во время преследования, вывела меня к машине. В четыре часа я телеграфировал моим друзьям в Руан, что непредвиденные обстоятельства вынуждают отложить визит. Строго между нами, но я думаю, что после того, как им станет многое известно, этот визит придется отложить на неопределенное время. Какое жестокое разочарование для них!

В шесть часов вечера я вернулся в Париж через Иль Адам, Энгьен и ворота Бино. Из вечерних газет я узнал, что наконец удалось схватить Пьера Онфрэ. А на следующий день, – не

будем пренебрегать полезными свойствами средств массовой информации, – «Эко де Франс» опубликовала следующую сенсационную заметку:

Вчера в окрестностях Бюши после многочисленных попыток Арсену Люпену удалось арестовать Пьера Онфрэ. Недавно убийца с улицы Лафонтена по пути из Парижа в Гавр ограбил мадам Рено, жену заместителя начальника управления тюрем. Арсен Люпен вернул мадам Рено сумочку, в которой лежали ее драгоценности, и щедро наградил двух полицейских агентов, оказавших ему помощь в осуществлении этого драматического ареста.

Колье королевы

Несколько раз в год по случаю больших торжеств, таких как балы в австрийском посольстве или вечера у леди Биллингстоун, графиня де Дре-Субиз украшала свои белоснежные плечи знаменитым колье королевы.

Это было то самое знаменитое колье, которое придворные ювелиры Бомер и Бассанж изготовили для графини Дюбарри; в дальнейшем кардинал Роган-Субиз намеревался преподнести его королеве Франции Марии-Антуанетте, а авантюристка Жанна де Валуа, графиня де Ламотт, вместе со своим мужем и их сообщником Рето де Вилеттом разобрала колье на части февральским вечером 1785 года.

По правде говоря, подлинной в колье оставалась только оправка. Рето де Вилетт сохранил ее, тогда как господин де Ламотт и его жена – сущие варвары – промотали великолепные драгоценные камни из оправы, так искусно подобранные Бомером. Позднее, в Италии, Рето де Вилетт продал оправку Гастону де Дре-Субизу, племяннику и наследнику кардинала, который спас дядю от разорения, вызванного скандальным банкротством дома «Роган Гемене», и в память о своем высокопоставленном родственнике выкупил несколько бриллиантов, оказавшихся в коллекции английского ювелира Джеффриса, дополнил их другими, такого же размера, но значительно меньшей ценности, и сумел воссоздать чудесное «колье, попавшее в рабство» в первоизданном виде, то есть таким, каким оно выглядело в руках Бомера и Бассанжа.

Почти целый век род Дре-Субизов гордился этой драгоценной исторической реликвией. И несмотря на то что в силу ряда обстоятельств состояние семьи заметно уменьшалось, владельцы колье не желали продавать сокровище королей, предпочитая сокращать штат прислуги. Последний граф де Дре-Субиз дорожил им так, как дорожат наследием предков. В целях предосторожности он хранил его в банковской ячейке. Когда жена собиралась надеть колье, он отправлялся в банк, забирал его, а на следующий день возвращал обратно.

В тот вечер, на приеме в посольстве графиня произвела фурор; сам король Кристиан, в честь которого было устроено торжество, обратил внимание на ее необыкновенную красоту. На изящнейшее сияли драгоценные камни. В лучах света бриллианты сверкали и переливались тысячами огней. Казалось, ни одна другая женщина не сумела бы с таким изяществом и благородством носить на шее столь драгоценную ношу.

Это был двойной триумф, и граф де Дре наслаждался им сполна, а когда супруги вернулись в свой старый особняк, расположенный в предместье Сен-Жермен, и вошли в спальню, граф откровенно торжествовал. Он гордился своей женой и драгоценным колье, приносящим славу уже четвертому поколению в его роду. Жена чуть сдержаннее выражала свою радость, что, конечно, свидетельствовало о ее гордом нраве.

Довольно неохотно она сняла колье и протянула мужу, который с восторгом рассматривал сокровище, будто раньше не видел его. Затем, положив реликвию в красную кожаную шкатулку с гербом кардинала, граф прошел в гардеробную. Как всегда, хозяин спрятал шкатулку на самой высокой полке среди шляпных коробок и стопок чистого белья. После этого закрыл дверь и разделся.

Утром граф встал около девяти часов, чтобы до завтрака сходить в банк. Он оделся, выпил чашку кофе и спустился в конюшню, отдал ряд распоряжений, а затем вернулся к жене.

Графиня недавно проснулась, горничная помогала ей укладывать волосы.

– Вы уходите? – спросила она мужа.

– Да, по нашему делу.

– О, конечно, так надежнее...

Граф вошел в гардеробную, но через несколько секунд без особого удивления спросил:

– Вы взяли его, дорогая?

– Что? Нет-нет, я ничего не брала, – ответила жена.

– Вы его переложили.

– Вовсе нет, я даже дверь гардеробной не открывала.

Побледневший граф появился на пороге и еле слышным голосом пробормотал:

– У вас его нет? Это не вы? Тогда...

Графиня подбежала к нему, и они стали лихорадочно искать пропажу, бросая коробки на пол и расшвыривая горы белья. Граф все время повторял:

– Бесполезно... все, что мы делаем, бесполезно. Я положил его вот сюда, на эту полку.

– Вы могли ошибиться.

– Нет, сюда, на эту полку, и ни на какую другую.

Они зажгли свечу, потому что в этой комнатке было довольно темно, вынесли белье и убрали все вещи, загромождавшие помещение. Когда в кабинете ничего не осталось, они с отчаянием признали тот факт, что знаменитое кольцо, «кольцо королевы, попавшее в рабство», исчезло.

Решительная по характеру графиня, не тратя времени на бесплодные сожаления, послала за комиссаром полиции господином Валорбом, проницательность и здравомыслие которого супруги уже имели возможность оценить. Его ввели в курс дела, подробно рассказав обо всем, и он тут же спросил:

– Уверены ли вы, господин граф, что никто не мог проникнуть ночью в гардеробную через вашу спальню?

– Абсолютно уверен. У меня очень чуткий сон. Более того, дверь спальни была заперта на щеколду. Сегодня утром, когда жена вызывала горничную, мне пришлось отодвигать ее.

– А нельзя ли проникнуть в комнату каким-нибудь другим путем?

– Невозможно.

– Окна нет?

– Есть, но оно загорожено.

– Я хотел бы это проверить...

Зажгли свечи, и месье Валорб тут же указал на то, что окно лишь до середины было загорожено буфетом, который к тому же был не очень плотно прижат к раме.

– Он стоит так близко у окна, что его невозможно сдвинуть без шума, – возразил месье де Дре.

– А куда выходит это окно?

– Во внутренний дворик.

– А под вами есть еще этаж?

– Два этажа, но на уровне комнат для прислуги установлена решетка в мелкую сетку, отгораживающая их от дворика. Вот почему у нас так мало света.

К тому же, когда отодвинули буфет, оказалось, что окно закрыто, а этого не могло быть, если бы кто-то пролез в комнату снаружи.

– Если только этот кто-то не вышел через нашу спальню, – заметил граф.

– Но в таком случае она не была бы заперта на щеколду.

Комиссар подумал с минуту, затем, обернувшись к графине, спросил:

– Мадам, было ли известно вашему окружению, что вы собирались надеть это кольцо вчера вечером?

– Конечно, я этого не скрывала. Но никто не знал, что мы прячем его в гардеробной.

– Никто?

– Никто... За исключением разве...

– Прошу вас, мадам, уточните. Эта деталь – одна из важнейших.

– Я подумала об Анриетте, – сказал графиня мужу.

– Анриетта? Она знает об этом не больше других.

– Ты в этом уверен?

– Кто эта дама? – спросил месье Валорб.

– Мы дружили в пансионе, она прекратила общение со своей семьей, потому что вышла замуж за простого рабочего. После смерти ее мужа она живет вместе с сыном у нас. Анриетта оказывает мне кое-какие услуги. Руки у нее золотые.

– На каком этаже она живет?

– На нашем, в конце коридора... Кстати, кажется... окно ее кухни...

– Выходит на этот дворик, не так ли?

– Да, как раз напротив нашего окна.

После этого заявления наступила короткая пауза. Затем месье Валорб попросил проводить его к Анриетте, которую застали за шитьем, рядом с ней читал книгу малыш шести-семи лет. Комиссар удивился бедно обставленному жилищу, которое состояло из одной комнаты без камина и маленькой ниши, заменяющей кухню. Сообщение о краже, по всей видимости, поразило ее. Накануне вечером она лично одевала графиню и застегивала колъе у нее на шее.

– Господи Боже! – воскликнула она. – Кто бы мог подумать!

– А вам на ум ничего не приходит? Ни малейшего подозрения? Не исключено, что преступник пробрался в дом через вашу комнату.

Она от души рассмеялась, даже мысли не допуская, что на нее может пасть хоть тень подозрения.

– Но я не покидала своей комнаты, я ведь никуда не хожу. К тому же разве вы не видели?

Она открыла окно в нише.

– Посмотрите, до подоконника напротив тут не меньше трех метров.

– Кто вам сказал, что по нашей версии кража совершена там?

– Но... разве колъе находилось не в гардеробной?

– Откуда вам это известно?

– Я всегда знала, что на ночь колъе кладут туда. Об этом говорили в моем присутствии.

Вдруг выражение ее лица сменилось страхом, как будто она почувствовала, что над ней нависла угроза. Анриетта притянула сына к себе.

– Надеюсь, – сказал господин де Дре комиссару, когда они остались одни, – вы ее не подозреваете? Я ручаюсь за нее. Это сама порядочность.

– Полностью разделяю ваше мнение, – заверил ее месье Валорб. – Я лишь подумал, что она могла неосознанно помогать преступнику.

Расследование шло полным ходом: допросили слуг, проверили щеколды, провели следственный эксперимент – мог ли преступник залезть в гардеробную через окно, обследовали двор снизу доверху... Все было бесполезно. Щеколда оказалась в полном порядке, а с улицы окно невозможно было ни открыть, ни закрыть.

Особенно тщательно проверяли Анриетту, так как, несмотря ни на что, все дороги приводили к ней. Ее жизнь изучали досконально, было установлено, что за последние три года она выходила из дома не более четырех раз, и всегда за покупками. Анриетта служила горничной и портнихой у мадам де Дре, которая обращалась с ней чрезвычайно сурово, о чем свидетельствовали тайные показания прислуги.

– Впрочем, – говорил следователь, пришедший через неделю к тому же заключению, что и комиссар, – если бы личность виновного и была установлена, чего не произошло, все равно неизвестно, каким способом была совершена кража. Двойная загадка, ведь были закрыты двери и окно. Как вор ухитрился проникнуть внутрь? Как сумел улизнуть, оставив за собой закрытую на щеколду дверь и запертое окно?

После четырех месяцев расследования следователь пришел к следующему выводу: месье и мадам де Дре, испытывая денежные затруднения, продали колъе королевы. И закрыл дело.

Кража драгоценного украшения нанесла супругам Дре-Субиз удар, от которого они долго не могли оправиться. Кредиторы перестали выдавать ссуды под залог кольцо, а заемщики стали более требовательны и менее щедры. Супруги принимали срочные меры, закладывали и продавали оставшиеся ценности, их ожидало разорение, если бы не спасительное наследство, полученное от двух дальних родственников.

Аристократическая гордость Дре-Субиз была уязвлена, над их родом нависла тень клеветы. Графиня ненавидела и обвиняла во всех несчастьях свою прежнюю подругу по пансиону. Сначала ее переселили на этаж, где жили слуги, затем прогнали совсем.

Интересен один факт, через несколько месяцев после ухода Анриетты от нее пришло письмо, чрезвычайно удивившее графиню:

Мадам!

Не знаю, как благодарить Вас. Это от Вас пришли деньги? Никто другой не знает о моем уединении в этой маленькой деревушке. Если я ошибаюсь, извините меня, и я благодарна за Вашу доброту в прежние времена...

Что означали эти слова благодарности? Графиня потребовала объяснений, и Анриетта ответила, что получила по почте письмо, в котором лежало две купюры по тысяче франков. На конверте был парижский штамп и адрес, написанный явно измененным почерком.

Откуда взялись эти две тысячи франков? Кто их послал? Полиция попыталась это выяснить. Анриетта каждый год на протяжении шести лет стала получать письма, с той только разницей, что на пятый и шестой год сумма удвоилась. Администрация почты попыталась изъять письмо под предлогом неправильного оформления отправки, но уже следующие были отсланы как положено, первое – из Сен-Жермена, второе – из Сюрени. Отправитель сначала подписался фамилией Анкета, затем – Пешар. Обратные адреса, указанные на конверте, оказались ложными. Спустя шесть лет Анриетта умерла, а загадка так и не была разгадана.

Описанные события широко известны, такое громкое ограбление не могло не привлечь общественное мнение. Однако то, что я сейчас поведаю, никому не известно, за исключением заинтересованных лиц, которых граф попросил сохранять все в строжайшей тайне. Рано или поздно они проболтаются, потому я без угрызений совести приоткрываю завесу тайны и даю вам ключ к разгадке тайны необыкновенного письма, опубликованного в газетах позавчера утром, которое добавило еще больше путаницы и таинственности к загадочным обстоятельствам истории.

Произошло это пять дней назад. Среди гостей, приглашенных на завтрак к господину Дре-Субизу, были кузина с его племянницами, председатель суда Эссавия депутат Боша, итальянец Флориани, с которым граф познакомился в Сицилии, и генерал маркиз де Рузьер, старый друг семьи.

После трапезы дамы пили кофе, а мужчинам решили выкурить по сигаре, завязался разговор, который затронул истории самых загадочных и знаменитых преступлений. Месье де Рузьер, никогда не упускавший случая подразнить графа, напомнил о ненавистной для него истории с кольцом. Каждый из присутствующих предложил свою версию случившегося. Разумеется, все они противоречили друг другу и были одинаково неправдоподобны.

– А вы, месье, что думаете о краже кольца? – обратилась графиня к Флориани.

– Я ничего не думаю, мадам.

Флориани только что в красках рассказал несколько историй о том, как они вместе с отцом, палермским судьей, разбирались в сложных и запутанных делах.

– Да, мне удавалось преуспеть там, где заходили в тупик истинные знатоки своего дела, но из этого вовсе не следует, что я Шерлок Холмс. Кроме того, мне почти ничего не известно об этом деле, – заявил он.

Все повернулись к хозяину дома, который нехотя изложил факты. Итальянец выслушал, после чего задал несколько вопросов и пробормотал:

– Странно... но на первый взгляд загадка кажется мне не такой уж неразрешимой.

Граф пожал плечами, а остальные обступили кавалера, который продолжал:

– Обычно для того, чтобы найти преступника, нужно понять, как была совершена кража. В данном случае есть только одна реальная версия, которая заключается в следующем: преступник проник в гардеробную через спальню или через окно. Однако запертую на щеколду дверь снаружи не откроешь, значит, он пролез через окно.

– Оно было закрыто, и следствие подтвердило это, – заявил месье де Дре.

– Для этого, – продолжал Флориани, не обращая внимание на то, что его перебили, – ему надо было сконструировать мостик от кухонного балкона до подоконника, и когда шкатулку...

– Но я вам повторяю: окно было закрыто! – в нетерпении воскликнул граф.

На этот раз Флориани ответил с полнейшим спокойствием человека, которого ничуть не смущает столь незначачее возражение.

– Я допускаю, что оно было закрыто, но разве там не было форточки?

– Откуда вы это знаете?

– Во-первых, почти во всех особняках похожей постройки окна с форточками. И потом, она должна быть, иначе кража просто необъяснима.

– Форточка действительно существует, но она тоже была закрыта. Никто на нее и внимания не обратил.

– Это ошибка. Если бы ее осмотрели, то обнаружили бы взлом.

– Но как?

– Я предполагаю, что эта форточка открывается при помощи металлической проволоки, на конце которой имеется кольцо, не так ли?

– Да.

– И это кольцо висело между оконной рамой и буфетом?

– Да, но я не понимаю...

– Вот. Через щель, сделанную в окне, легко было просунуть железную палочку с крючком на конце, подцепить кольцо и открыть форточку.

Граф засмеялся:

– Великолепно! Браво! Но вы забыли, дорогой друг, лишь об одном: в окне не было щели.

– Щель была.

– Полноте, мы бы увидели ее.

– Чтобы увидеть, надо приглядеться, но никто этого не сделал. Щель есть.

Граф встал, взволновавшись до предела. Нервным шагом он несколько раз прошелся по гостиной и, подойдя к Флориани, сказал:

– С того дня мы ничего не меняли, и никто больше не входил в гардеробную.

– В таком случае, месье, вы можете убедиться, что мои предположения верны.

– Они не совпадают ни с одним фактом, установленным следствием. Вы ничего не видели, ничего не знаете и утверждаете абсолютно противоположное выводам, сделанным следствием.

Флориани, не замечая раздражения графа, с улыбкой сказал:

– Месье, я просто выдвинул гипотезу, если я ошибаюсь, докажите это.

– Докажу, и безотлагательно... Признаюсь, ваша самоуверенность...

Месье де Дре пробормотал еще несколько слов, затем покинул комнату. После его ухода не прозвучало ни слова. Все застыли в напряженном ожидании, как будто в самом деле вот-

вот приоткроется завеса тайны. Наконец в дверном проеме появился бледный и возбужденный граф. Дрожащим голосом господин де Дре сказал своим друзьям:

– Прошу прощения... версия, рассказанная господином Флориани, столь неожиданна... никогда бы не подумал...

Жена, сгорая от нетерпения, перебила его:

– Говори, умоляю тебя... что там?

– Щель существует... – пробормотал он, – она между стеклом и рамой.

Вдруг он схватил Флориани за руку и сказал ему повелительным тоном:

– А теперь, месье, продолжайте! Признаю, что до сих пор вы были правы; но как повашему все произошло?

Флориани осторожно высвободился и через секунду произнес:

– Так вот, произошло следующее: преступник знал, что мадам де Дре наденет колье на бал, и во время вашего отсутствия перебросил мостик. Он наблюдал за вами в окно, так он узнал, куда вы прячете колье. Едва вы ушли, он проделал щель и потянул за кольцо.

– Допустим, но как он открыл окно?

– Он мог пролезть через форточку.

– Невозможно: не бывает мужчин такой комплекции, чтобы пролезть через эту форточку.

– Значит, это не мужчина.

– Что?

– Если отверстие слишком маленькое для мужчины, значит, это был ребенок.

– Ребенок?!

– Вы говорили, что у Анриетты был сын?

– Да, его звали Рауль.

– Вполне вероятно, что Рауль и совершил кражу.

– Как вы это докажете?

– Доказательств хватает. Вот, например...

Он задумался на несколько секунд, затем продолжил:

– Трудно поверить, что ребенок мог принести и унести мостик так, чтобы никто этого не заметил. Он использовал то, что было под рукой. В нише, где Анриетта готовила пищу, наверняка висели полки, на которых хранились кастрюли.

– Две полки, если не ошибаюсь.

– Предполагаю, что Рауль снял полки, связал их между собой. Если в комнате была плита, то предполагаю, что мы найдем еще и кочергу, которой он мог воспользовался, открывая форточку.

Не сказав ни слова, граф вышел, но, в отличие от предыдущего раза, присутствующие не ощутили ни малейшего волнения перед неизвестностью. Они знали, что предположения Флориани верны. От него исходила такая уверенность, что все верили ему, как будто он рассказывал о происшествии, в достоверности которого никто не сомневался.

И никто не удивился, когда граф снова объявил:

– Это и вправду мог сделать ребенок.

– Что вы обнаружили?

– Полки сняты со стены... в комнате лежит кочерга.

Мадам де Дре-Субиз воскликнула:

– Вы хотите сказать, что это его мать, Анриетта, заставила своего сына совершить преступление?

– Нет, – возразил итальянец, – мать здесь ни при чем.

– Полноте! Они жили в одной комнате, ребенок не мог ничего сделать втайне от Анриетты.

– Они жили в одной комнате, но все произошло ночью, когда мать спала.

– А кольцо? – спросил граф. – Его могли найти в вещах мальчишки.

– Он выходил из дома тем утром. Вы застали его за письменным столом, когда он уже вернулся из школы, и правосудию, вместо того чтобы тратить энергию на допросы невинной матери, стоило бы сосредоточиться на поисках кольца среди школьных учебников.

– Пусть так, но разве две тысячи франков, которые Анриетта получала каждый год, не доказательство того, что она сообщница?

– Зачем тогда она благодарила вас за деньги? И кроме того, за ней ведь следили, не так ли? Ребенок мог свободно передвигаться, он мог добраться до ближайшего городка, сговорившись с каким-нибудь перекупщиком, и продать тому за мизерную цену несколько бриллиантов... Главным условием было то, что деньги должны быть посланы из Парижа.

Сказанное Флориани произвело неизгладимое впечатление на Дре-Субизов и их гостей. Граф нарочито рассмеялся:

– Я в восторге! Какое богатое воображение!

– Нет, – возразил Флориани серьезно, – я ничего не фантазировал, только излагал факты.

– Что вы об этом знаете?

– Вы сами все рассказали, о жизни женщины и ее ребенка в далекой провинции; мать заболевает, и ребенок крадет кольцо и продает камни, чтобы спасти мать или по крайней мере скрасить последние мгновения ее жизни. Но болезнь забирает ее, проходят годы. Рауль вырастает и становится мужчиной. Вот теперь я готов признать, что даю волю воображению, предположим, что он захочет вернуться в те места, где провел детство, встретиться с людьми, которые обвиняли его мать. Интересная ситуация?

Его последние слова повисли в напряженной тишине, а лица месье и мадам Дре-Субиз побелели от страха.

– Кто вы такой, месье? – прошептал граф.

– Я? Господин Флориани, с которым вы познакомились в Палермо и были настолько добры, что пригласили к себе в гости.

– Тогда что означает эта история?

– Ровным счетом ничего, это просто игра. Я представил, с какой радостью Рауль сообщил бы вам, что это именно он совершил кражу, потому что его мать была несчастна и боялась потерять место прислуги, которое давало ей средства к существованию.

Он говорил с еле сдержанным волнением. Никаких сомнений! Флориани был не кто иной, как сын Анриетты. Все в его поведении и словах кричало об этом.

Граф был в недоумении. Как вести себя с этим смелым человеком? Устроить скандал? Разоблачить того, кто когда-то ограбил его? Но это было так давно! И кто поверит в эту нелепую историю о ребенке-грабителе? Нет, лучше оставить все как есть, притворившись, что не понял его намеков. И граф, подойдя к Флориани, весело сказал:

– Ваша история очень позабавила меня. Но как думаете, что стало с этим ловким юношей? Надеюсь, что это не последний его подвиг.

– Конечно нет.

– Еще бы, после такого дебюта. В шесть лет украсть кольцо королевы, знаменитое кольцо, о котором мечтала Мария Антуанетта!

– Украсть его, не причинив себе никаких неприятностей, – заметил Флориани, – украсть его так, что никому и в голову не пришло осмотреть стекла или подоконник, который был слишком чистым, потому что он протер его, чтобы не осталось следов на слое пыли. Надо было только забрать ожерелье...

– И он протянул руку.

– Обе руки, – добавил Флориани со смехом.

Какой необыкновенной была жизнь этого авантюриста, который в шесть лет стал гениальным вором. Который сегодня ради забавы или ради справедливости появился в дом своих жертв, чтобы бросить им вызов. Смелый и безумный поступок!

Флориани подошел к графине, чтобы проститься, но она отпрянула.

– Мадам, вы боитесь? Неужели я заигрался в экстрасенса?

Она взяла себя в руки и ответила с насмешливой непринужденностью:

– Нисколько, месье. Меня очень заинтересовал рассказ о заботливом сыне, и я счастлива, что мое кольцо положило начало столь блестящей карьере. Но не считаете ли вы, что сын Анриетты, в сущности, следовал инстинкту?

Он вздрогнул, почувствовав себя задетым, и ответил:

– Я в этом убежден. Видите ли, большинство камней оказались поддельными. Настоящими были только бриллианты, купленные у английского ювелира, остальные владельцы кольца продавали их по одному, когда этого требовали суровые жизненные обстоятельства.

– И все же это было кольцо королевы, месье, – высокомерно ответила графиня.

– Мадам, это кольцо служило своего рода вывеской, которой вы красовались.

Месье де Дре вспыхнул, но жена опередила его.

– Месье, – сказала она, – если у человека, про которого вы говорите, есть хоть капля совести...

Она замолчала, спокойный взгляд Флориани смутил ее.

– Если у этого человека есть хоть капля совести...

Она сделала над собой усилие, смирив свой гнев, но все еще дрожа от возмущения, почти вежливо продолжила:

– Месье, легенда гласит, что, заполучив кольцо королевы, Рето де Вилетт вынул из него все бриллианты, но не осмелился тронуть оправу. Он понял, что камни всего лишь украшение, главное в изделии – это оправка, творение искусства, и де Вилетт сберег ее. Вы думаете, человек, о котором мы говорим, тоже это понял?

– Не сомневаюсь, что оправка сохранилась.

– Месье, если вам случится встретиться с ним, скажите ему, что он не вправе хранить реликвию, которая является собственностью известной семьи, и хотя ему удалось продать камни из кольца, оно не перестало принадлежать роду Дре-Субизов. Это достояние нашей семьи, такое же, как фамилия и честь.

Флориани ответил просто:

– Я передам ему это, мадам.

Затем поклонился ей, простился с графом, с остальными и вышел.

Четыре дня спустя мадам де Дре обнаружила на столе в спальне красную шкатулку с гербом кардинала, открыв ее, она обнаружила кольцо королевы, попавшее в рабство.

В жизни человека, живущего по законам логики, все должно служить одной цели, а небольшая реклама никогда не повредит, на следующий день в «Эко де Франс» было опубликовано следующее сенсационное сообщение:

Кольцо королевы, украденное когда-то у семьи де Дре-Субизов, было найдено Арсеном Люпенем, который поспешил вернуть его законным владельцам. Нельзя не восхититься его рыцарским поступком.

Семерка червей

Мне часто задают вопрос: как я познакомился с Арсеном Люпенем?

Никто не сомневается, что мы знакомы. Известные мне подробности о жизни этого загадочного человека, верная интерпретация некоторых его поступков, о которых другие судили поверхностно, не вникая в скрытые мотивы, – все это доказывает, что мы с ним если не близкие друзья, то во всяком случае давние приятели, доверяющие друг другу.

Но как я познакомился с ним? Почему мне было оказано доверие и я стал его биографом? Я, а не кто-то другой?

Ответ прост: только случай определил этот выбор, и моей заслуги тут нет. Благодаря случаю мне встретился Арсен Люпен. По чистой случайности я оказался причастен к одному из самых странных и загадочных его приключений и так же случайно стал актером в таинственной и запутанной драме с богатыми сюжетными линиями, поставленной этим замечательным режиссером.

Первый акт разыгрывался в ту пресловутую ночь с 22 на 23 июня, ночь, ставшую предметом всех разговоров. Что касается меня, то я считаю необходимым сразу же сделать оговорку: свое странное поведение я могу оправдать совершенно несвойственным мне душевным настроением, в котором пребывал, вернувшись домой. Мы с друзьями вечером ужинали в ресторане «Каскад», курили и слушали цыганский оркестр, который исполнял грустные вальсы, мы говорили только о преступлениях и грабежах, жутких и темных историях. А они, как известно, не располагают к хорошему сну.

Сен-Мартены уехали на автомобиле. Ночь была теплой и темной, и мы с милым и беззаботным Жаном Даспри, которому через шесть месяцев было суждено погибнуть в Марокко при трагических обстоятельствах, возвращались домой пешком. Когда мы подошли к небольшому особняку на бульваре Майо, где я жил уже год с момента приезда в Нейи, он спросил:

– А вам никогда не бывает здесь страшно?

– С чего бы?

– Особняк стоит на отшибе, соседей нет... Скажу вам честно, хоть я не из трусливых, однако...

– Вот именно, вы не трус, а весельчак!

– Я не шучу, Сен-Мартены запугали меня своими рассказами о грабителях.

Пожав мне руку, Даспри удалился. А я достал ключ и открыл дверь.

– Антуан забыл оставить горящую свечу, – прошептал я.

И сразу же вспомнил: Антуана в доме нет, я отпустил его. После этой мысли темнота и тишина стали мне неприятны. На цыпочках, как можно быстрее, я поднялся в спальню и, против обыкновения, повернул ключ в замке, затем запер дверь на щеколду и зажег свечу. Свет помог мне вновь обрести хладнокровие, но я все равно вынул из кобуры большой дальнобойный револьвер и положил его рядом с кроватью. Эта предосторожность окончательно успокоила меня. Я лег и, как обычно, чтобы заснуть, взял с ночного столика книгу, ожидавшую меня каждый вечер.

Каково же было мое удивление, когда внутри вместо ножа для разрезания страниц, которым накануне заложил страницу, я обнаружил конверт, запечатанный пятью красными сургучными печатями. Я схватил его, горя нетерпением. На конверте не было адреса, но были написаны мое имя и фамилия, да еще пометка: «Срочное».

Письмо! Письмо на мое имя! Кто мог положить его сюда? Немного разволновавшись, я вскрыл конверт и прочел:

С момента, когда вы распечатали этот конверт, что бы ни случилось, что бы вы ни услышали, не шевелитесь, не предпринимайте никаких действий, не кричите. Иначе вам конец.

Я тоже не из трусливых и умею вести себя достойно перед лицом настоящей опасности и подшучивать над необоснованными страхами, которые поражают наше воображение. Но мои нервы были на пределе, поэтому я так остро реагировал, попав в тревожную и необъяснимую ситуацию, которая потрясла бы и более смелых людей.

Пальцы мои лихорадочно сжимали лист бумаги, а глаза снова и снова пробежали по строчкам с угрозами: «...Не предпринимайте никаких действий... иначе вам конец...»

«Ну и ну! – подумал я. – Это какая-то шутка, дурацкий розыгрыш».

Я чуть не рассмеялся, причем во весь голос. Но что-то помешало мне, и какой-то смутный страх сдавил мне горло. Я хотел было задуть свечу, но вспомнил о предостережении в записке: «Никаких движений – или вам конец».

Мог ли я бороться с предчувствиями, которые зачастую влияют на нас сильнее самых точных фактов? Я закрыл глаза, и в ту же секунду в тишине послышался легкий шум, затем скрип. Звуки, как мне показалось, доносились из соседней комнаты, где был у меня кабинет, отделенный от спальни лишь прихожей. Я готов был схватить револьвер и броситься в зал, но я оставался неподвижен: напротив, у левого окна, зашевелилась занавеска.

Никаких сомнений: она шевелилась. Вот опять шевелится! Я ясно увидел между занавесками и окном очертания человеческой фигуры, которая не умещалась в столь узком пространстве, отчего ткань заметно топорщилась.

Этот человек тоже видел меня, сквозь тонкую ткань шторы, тогда я понял их план, в то время, когда другие выносили добычу, его задача заключалась в том, чтобы держать меня на прицеле. Встать? Схватить револьвер? Невозможно... Он был здесь! Стоит пошевелиться, вскрикнуть, и я пропал.

Дом содрогнулся от сильного толчка, затем послышались удары послабее, как будто кто-то забивает молотком гвоздь. Или это казалось моему богатому воображению? К ударам молотка примешивались другие звуки, стоял настоящий грохот.

Я не двигался. Из трусости? Нет, скорее я был в прострации и совершенно не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И конечно, свою роль сыграло здравомыслие, зачем бороться? С этим человеком десяток других, и они прибегут на его зов. Стоит ли рисковать жизнью ради того, чтобы спасти несколько ковров и безделушек?

Пытка длилась всю ночь. Невыносимая мука, жуткий страх! Мужчина неотрывно следил за мной с оружием наготове, а я все время смотрел на него испуганными глазами, мое сердце колотилось, пот градом катил по лбу! И вдруг на меня нашло неожиданное спокойствие, по бульвару проехала повозка молочника, я узнал ее по скрипу колес и увидел, что утренний свет пробивается сквозь закрытые ставни, за окном лучи солнца разгоняют тьму.

День уже пробрался в комнату, поехали и другие повозки. Ночные призраки стали исчезать. Почувствовав себя смелее, я медленно и осторожно протянул руку к столику. Человек напротив не шелохнулся, я впился глазами точно в то место, где он находился, хладнокровно рассчитал движения и, быстро схватив револьвер, выстрелил. Ткань занавески была прострелена, стекло тоже. Что же касается человека, в него я попасть не смог... по той простой причине, что там никого не было.

Никого! Выходит, что всю ночь меня сдерживала от действий складка на занавеске! А в это время преступники... В яростном порыве, сдержать который было невозможно, я отпер дверь, пересек прихожую и ворвался в зал. Но, переступив порог, я оцепенел и чуть не задохнулся от поразивших меня чувств: ничего не пропало. Все вещи, которые должны быть украденными: мебель, картины, старинный бархат и шелк – все осталось на месте!

Что за спектакль?! Я не верил своим глазам. Откуда взялся шум и грохот передвигаемой мебели? Я проверил весь дом, ничего не пропало! Но больше всего меня сбивало с толку, что никаких следов присутствия злоумышленников не осталось: ни одного сдвинутого стула, ни одного отпечатка обуви.

– Ну хорошо! – уговаривал я себя, обхватив голову руками. – Я же не сумасшедший! Я ведь в самом деле слышал это!

Самым тщательным образом, сантиметр за сантиметром, я обследовал каждый угол помещения. Все впустую. Точнее... но стоило ли считать это находкой? Под небольшим персидским ковриком, лежащим на полу, я обнаружил игральную карту. Это была семерка червей, самая обычная карта из любой французской колоды, но она привлекла мое внимание одной довольно странной деталью. На острие каждого из семи знаков в форме сердца была пробита круглая и ровная дырочка, которую могли проткнуть шилом.

Вот и все улики: карта и письмо, обнаруженное в книге. Больше ничего. Можно ли только на этом основании утверждать, что мне все это приснилось?

Весь день я обследовал гостиную – довольно большую комнату для такого скромного особняка, обставленную со странным вкусом. Пол был выложен из маленьких разноцветных кусочков мозаики, образующих большие симметричные рисунки. Той же мозаикой были выложены панно на стенах, изображающие аллегорические сцены в стиле помпейских, византийских и средневековых композиций: Вакх⁷, восседающий на бочке; император с седой бородой в золотой короне держит меч в правой руке. На потолке, как в мастерских художников, было встроено большое окно. Я не закрывал его на ночь, вероятно, злоумышленники проникли внутрь через него, воспользовавшись лестницей. Но и этого нельзя было утверждать с полной уверенностью. От лестницы должны были остаться следы на земле и траве во дворе, но их не оказалось.

Я и не думал обращаться в полицию, потому что понимал, что факты, которые я изложу, абсурдны и нелепы. Меня бы просто высмеяли. Через день настала моя очередь писать материал для колонки в «Жиль Блаз», где я тогда работал. Я изложил в своей заметке впечатления от ночного события. Статья не прошла незамеченной, но всерьез ее никто не принял, все решили, что это какая-то выдумка. Сен-Мартены посмеялись надо мной, но Даспри, который сталкивался с подобным, попросил рассказать о случившемся, попробовал разобраться... но, увы, безрезультатно.

Однажды утром зазвенел колокольчик калитки, и Антуан уведомил меня, что какой-то господин, не назвавший свое имя, желает поговорить с хозяином. Я попросил его подняться. Это был мужчина лет сорока, жгучий брюнет с волевым лицом, его чистая, но поношенная одежда свидетельствовала о претензии на элегантность, которая шла в разрез с довольно грубыми манерами. Хриплым голосом и с интонациями, выдававшими его социальную принадлежность, посетитель сказал мне:

– Месье, я здесь проездом, в кафе мне попался на глаза номер газеты «Жиль Блаз». Я прочел вашу статью, которая заинтересовала меня... очень заинтересовала.

– Благодарю вас.

– Поэтому я пришел к вам. Все ли приведенные вами факты точны?

– Абсолютно точны.

– Ни одна подробность не выдумана вами?

– Ни одна.

– В таком случае я, наверное, смогу сообщить вам кое-какие сведения.

⁷ Вакх – в древнегреческой мифологии младший из олимпийцев, бог растительности, виноградарства, виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза.

– Слушаю вас.

– Нет.

– Что значит нет?

– Прежде чем я заговорю, мне необходимо проверить, точны ли мои сведения.

– А как вы проверите их?

– Мне нужно побыть одному в этой комнате.

Я с удивлением посмотрел на него.

– Я не совсем понимаю...

– Некоторые детали, описанные в своей статье, удивительно совпадают с другим происшествием, о котором я узнал случайно. Если это совпадение, то мне лучше хранить молчание. Единственный способ проверить мое предположение – оставить меня одного...

Что на самом деле скрывалось за этой просьбой? Позднее я анализировал ситуацию и вспомнил, что, излагая свою просьбу, посетитель волновался, а лицо его было очень встревоженным. Но в тот момент я не нашел ничего необычного в такой просьбе, хотя меня это и удивило. К тому же меня просто распирало от любопытства.

– Хорошо, – ответил я. – Сколько времени вам понадобится?

– Минуты три, не больше. Через три минуты я вернусь к вам.

Я вышел из комнаты и сверил часы. Прошла минута. Две минуты... Но почему же мне было так не по себе? Две с половиной минуты... И вдруг раздался выстрел.

Перескакивая через ступеньки, я в несколько прыжков поднялся наверх. Крик ужаса вырвался у меня из груди. Посреди зала неподвижно, на левом боку лежал человек. Из его головы лилась кровь, вперемишку с мозгом. В руке лежал еще дымящийся револьвер.

Но еще сильнее, чем эта ужасная картина, меня поразило другое, то, из-за чего я не стал сразу же звать на помощь, и не проверил, дышит ли этот человек. В нескольких шагах от него на полу лежала семерка червей! Я поднял карту. Семь острых концов у семи сердец были с дырочками...

Полчаса спустя прибыл комиссар полиции Нейи, затем судебно-медицинский эксперт, а вслед за ними – начальник полицейского управления господин Дюдуи. Я, разумеется, постарался не дотрагиваться до трупа. Ничто не должно было помешать должному обследованию.

Осмотр длился недолго, в карманах трупа не нашли никаких документов, никаких инициалов на одежде. Короче говоря, никаких признаков, которые позволили бы установить личность погибшего. В кабинете все оставалось на своих местах, мебель не сдвинута, ничего не пропало. Неужели этот человек пришел с единственной целью убить себя, сочтя мой дом наиболее подходящим для самоубийства? Наверняка есть какая-то причина, которая подтолкнула его на этот отчаянный шаг. И скорее всего, эту причину он обнаружил за те три минуты, что оставался один.

Что он увидел? Что за ужасная тайна открылась ему?

Когда двое полицейских подняли труп и положили его на носилки, они заметили, что левая ладонь, до сих пор скрытая от глаз и сжатая в кулак, разжалась, и из нее выпала сильно смятая визитная карточка. На ней было написано: Жорж Андерматт, 37, улица де Берри.

Что бы это значило? Жорж Андерматт был известным парижским банкиром, основателем и президентом Металлургического банка, который внес значительный вклад в развитие металлообрабатывающей промышленности Франции. Он жил на широкую ногу, имел почтовый вагон, автомобиль, скаковых лошадей. Приемы в его доме пользовались большой популярностью, а его жена, мадам Андерматт, славилась изяществом и красотой.

– Может быть, так звали умершего? – прошептал я.

Начальник полиции наклонился к нему.

– Это не он. У месье Андерматта бледная кожа и проседь.

– Но тогда при чем здесь эта визитка?

– В доме есть телефон, месье?

– Да, пойдемте, я провожу вас.

Полицейский полистал справочник и попросил соединить его с номером 41521.

– Господин Андерматт дома? Будьте любезны, передайте ему, что господин Дюдуи просит его как можно скорее прибыть по адресу: бульвар Майо, 102. Срочно.

Через двадцать минут месье Андерматт уже выходил из своего автомобиля. Ему объяснили обстоятельства, при которых потребовалось его присутствие, а затем подвели к трупу. На лице его на секунду отразилось волнение, а затем тихим голосом, как будто нехотя, он произнес:

– Этьен Варен.

– Вы были с ним знакомы?

– Нет, точнее... я знал, как он выглядит. Его брат...

– У него есть брат?

– Да, Альфред Варен... Он приходил ко мне когда-то просить... я уже не помню о чем...

– Где он живет?

– Братья жили вместе, на улице Прованс, кажется.

– И вы не догадываетесь о причине, толкнувшей его на самоубийство?

– Никоим образом.

– Но почему ваша визитка оказалась у него в руке?

– Я не знаю. Очевидно, это случайность, которую объяснит следствие.

«Любопытная случайность, ничего не скажешь», – подумал я и почувствовал, что у всех присутствующих сложилось такое же мнение.

На следующий день то, что было лишь мыслью, уже публиковалось в газетах, а мои друзья, с которыми я обсуждал происшествие, высказывали такое же предположение. Главными загадками оставались семерки червей с семью проколами и визитная карточка, которые обещали пролить хоть немного света на случившееся. Только разгадав эти загадки, можно было докопаться до истины.

Но вопреки всеобщим ожиданиям месье Андерматт никак не объяснился.

– Я рассказал все, что мне известно, – повторял он. – Что вы еще хотите? Я больше других удивлен, что здесь нашли мою визитку, и вместе со всеми, жду, когда прояснится данное обстоятельство.

Но этого не произошло. Следствие установило, что братья Варен, швейцарцы по происхождению, под разными именами вели довольно бурную жизнь: посещали притоны, состояли в банде, находившей под полицейским надзором и исчезнувшей после серии ограблений, – их причастность к этим преступлениям была установлена позднее. В доме № 24 по улице Прованс, где братья Варен действительно жили шесть лет назад, об их дальнейшей судьбе ничего не было известно.

Признаться, дело казалось мне таким запутанным, что я абсолютно не верил в успех расследования и старался вовсе забыть о нем. Но Жан Даспри напротив, с каждым днем увлекался все больше. И именно он показал мне в одной иностранной газете заметку, которую перепечатывала и комментировала вся пресса:

В скором времени в присутствии Императора состоятся первые испытания подводной лодки, которые произведут революцию в характере ведения морских сражений. Место испытаний будет храниться в тайне до последней минуты, но благодаря утечки информации, мы установили название лодки: «Семерка червей».

«Семерка червей»? Случайно ли такое совпадение? Нет ли какой связи между названием подводной лодки и событиями, произошедшими со мной? Но какая связь? То, что случилось здесь, не могло иметь никакого отношения к происходящему за границей.

– Откуда вам знать? – возражал мне Даспри. – Самые несопоставимые факты часто объясняются одной и той же причиной.

Через день в газете мы уже прочитали следующие новости:

Предполагают, что механизм подводной лодки «Семерка червей», испытания которой пройдут в ближайшее время, разработан французскими инженерами. Они искали поддержку у французского правительства, но безрезультатно, затем обратились к английскому адмиралтейству, но также безуспешно. Публикуя эту новость, мы не даем гарантии ее достоверности.

Я не могу обсуждать некоторые факты чрезвычайно деликатного свойства, вызвавшие большое волнение. Однако теперь, когда всякая опасность усложнить ситуацию устранена, мне все же необходимо рассказать о статье в «Эко де Франс», наделавшей в свое время много шума и внесшей в дело о Семерке червей, как его называли, сначала некоторую ясность, а затем новую путаницу.

Привожу статью за подписью Сальватора в том виде, в каком она появилась.

Завеса тайны в деле о Семерке червей чуть-чуть приоткрылась. Мы будем кратки. Десять лет назад горный инженер Луи Лакомб, желая посвятить свое время и деньги исследованиям, ушел в отставку и снял на бульваре Майо небольшой особняк, незадолго до этого построенный и отделанный одним итальянским графом. Братья Варен из Лозанны помогали ему в исследованиях, один ассистировал, а другой искал кредиторов, и благодаря их связям Луи Лакомб познакомился с господином Жоржем Андерматтом, только что основавшим Металлургический банк.

После нескольких встреч Лакомбу удалось заинтересовать Андерматта проектом подводной лодки, над которым работал, и было решено, что, как только чертеж будет готов, банкир использует свое влияние и попытается добиться от Министерства морского флота разрешения на испытания. В течение двух лет Луи Лакомб регулярно посещал особняк Андерматта, показывая усовершенствования, которые вносил в конструкцию проекта, когда чертеж был доработан, инженер попросил банкира выполнить свое обещание. В тот день Луи Лакомб обедал в доме Андерматта. Вечером, примерно в половине двенадцатого, он ушел. С тех пор его больше не видели.

Если просмотреть газеты того времени, то можно встретить сообщения о том, что семья инженера обратилась к правосудию за помощью. Но поиски ни к чему не привели, и в итоге сошлись на том, что Луи Лакомб, слышавший фантазером и неординарной личностью, никого не предупредив, отправился в путешествие. Допустим, это правда, хоть и неправдоподобно. Но возникает вопрос, важный для нашей страны: что стало с чертежами подводной лодки? Не увез ли их Луи Лакомб с собой? Не уничтожены ли они?

Расследование, которое мы провели, показало, что эти чертежи существуют, они оказались у братьев Варен. Как это произошло? Нам так и не удалось узнать этого, почему они не пытались поскорее сбыть их с рук? Возможно, братья боялись, что возникнет вопрос: как они к ним попали? Но это опасение сдерживало их недолго, и мы с полной уверенностью можем утверждать следующее: чертежи Луи Лакомба стали собственностью иностранной державы. У нас имеется переписка братьев Варен и представителя иностранного государства. В настоящее время «Семерка червей», изобретенная Луи Лакомбом, построена нашими соседями.

Отвечает ли действительность оптимистическим прогнозам тех, кто замешан в предательстве? У нас есть основания надеяться на обратное, и хотелось бы верить, что предстоящее событие нас не разочарует.

Ниже была приписка:

Р. С. Срочное сообщение! Наши информаторы разрешили сообщить, что испытания «Семерки червей» провалились. В чертежах, переданных братьями Варен, не хватало документа, принесенного Луи Лакомбом господину Андерматту в тот вечер, когда он исчез. Этот материал необходим для понимания проекта в целом, он своего рода резюме, в котором содержатся окончательные выводы, расчеты и измерения. Без него чертежи оказываются неполными; так же как без чертежей этот документ бесполезен.

Таким образом, есть еще время для того, чтобы вернуть то, что принадлежит нашему государству. В этом довольно щекотливом деле мы очень полагаемся на помощь господина Андерматта, который должен объяснить, почему с самого начала скрывал то, что ему было известно на момент самоубийства Этьена Варена, но и не станет замалчивать причину, побудившую его никогда и никому не рассказывать об исчезновении бумаг. Он должен объяснить, с какой целью в течение шести лет нанятые им агенты следили за братьями Варен.

Мы ждем от него не слов, а дела. Иначе...

Угроза была грубой. Но в чем она состояла? Какое средство для устрашения Андерматта имелось в распоряжении Сальватора, автора статьи с вымышленной фамилией?

Группа репортеров осаждали банкира, но тот в десятках интервью выразил полное презрение к угрозе. На что корреспондент «Эко де Франс» отреагировал такими тремя строчками:

Хочет того господин Андерматт или нет, но является участником данного предприятия.

В тот день, когда была опубликована эта реплика, мы с Даспри обедали вместе, а вечером, разложив газеты на столе, обсуждали дело, рассматривали его со всех сторон и чувствовали себя, словно путники, которые бредут неизвестно куда в темноте и все время натываются на одни и те же препятствия.

И вдруг, хотя слуга не докладывал и звонка не было, дверь открылась и вошла дама с темной вуалью.

Я тут же встал и подошел к ней.

– Это ваш дом, месье? – спросила она.

– Да, мадам, но признаться...

– Калитка, что выходит на бульвар, оказалась незапертой, – объяснила она.

– А дверь в прихожей?

Она не ответила, но я предположил, что ей пришлось обойти дом и подняться по черной лестнице. Значит, она знала, как пройти?

Воцарилось неловкое молчание. Она посмотрела на Даспри. По инерции, как сделал бы это в любой нормальной ситуации, я представил его. Затем попросил даму сесть и изложить цель ее визита.

Незнакомка сняла вуаль, и я увидел, что она брюнетка с правильными чертами лица, не красавица, но очень очаровательная женщина, что исходило в основном от ее глаз, серьезных и печальных.

– Я мадам Андерматт, – сказала она просто.

– Мадам Андерматт! – повторил я, не переставая удивляться.

И снова – молчание, но вот она заговорила тихим голосом, все больше обретая спокойствие:

– Я пришла по поводу известного вам дела. Подумала, что, может быть, смогу получить от вас какие-нибудь сведения...

– Боже мой, мадам, я знаю обо всем этом не больше того, что пишут в газетах. Будьте любезны, скажите точнее, чем я могу быть вам полезен.

– Я не знаю... Не знаю...

Только тогда я заметил, что ее спокойствие было наигранным, а самообладание – только видимостью, за которой скрывается огромная растерянность. И мы замолчали, почувствовав себя одинаково неловко.

Но Даспри, все это время наблюдавший за гостьей, подошел к ней и сказал:

– Вы позволите, мадам, задать вам несколько вопросов?

– О да! – воскликнула она. – Так я смогу все рассказать.

– Вы ответите на все вопросы?

– Да.

Он подумал и произнес:

– Вы знали Луи Лакомба?

– Да, он был знакомым моего мужа.

– Когда вы видели его в последний раз?

– В тот вечер, когда он ужинал с нами.

– Что-нибудь могло навести вас на мысль, что вы его больше не увидите?

– Нет, но он действительно упомянул о путешествии в Россию, но мимоходом!

– Значит, вы думали, что встретитесь снова?

– Через день за обедом.

– И как вы объясняете исчезновение Лакомба?

– Я никак не могу его объяснить.

– А месье Андерматт?

– Не знаю.

– Однако...

– Не спрашивайте меня об этом.

– Статья в «Эко де Франс», кажется, намекает...

– Она намекает на то, что братья Варен имеют какое-то отношение к этому исчезновению.

– Вы тоже так думаете?

– Да.

– На чем основано ваше убеждение?

– Когда Луи Лакомб уходил от нас, в руках он держал портфель со всеми бумагами, относящимися к проекту. Через два дня мой муж встречался с одним из братьев Варен, с тем, который жив, и во время этой встречи муж получил доказательство того, что бумаги находятся в руках братьев.

– И он их не выдал полиции?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в портфеле, помимо бумаг Луи Лакомба, находилось кое-что другое.

– Что?

Она смутилась, собралась было ответить, но в конце концов предпочла молчать, а Даспри продолжал:

– Вот, значит, какая причина, заставившая вашего мужа не обращаться в полицию и установить слежку за братьями. Он надеялся вернуть бумаги и вместе с ними нечто компрометирующее, чем воспользовались братья, чтобы шантажировать...

– Его... и меня.

– О! Вас тоже?

– В основном меня.

Она произнесла эти слова сдавленным голосом. Даспри посмотрел на мадам Андерматт, прошелся по комнате и опять вернулся к ней:

– Вы писали Луи Лакомбу?

– Конечно, мой муж был связан...

– Вы не писали Луи Лакомбу... других писем, помимо официальных? Простите мою назойливость, но мне необходимо знать всю правду. Писали вы другие письма?

Заливаясь краской, она прошептала:

– Да.

– И эти письма попали к братьям Варен?

– Да.

– Значит, месье Андерматт знает об этом?

– Писем он не видел, но Альфред Варен сообщил ему об их существовании, пригрозив, что опубликует, если муж предпримет что-либо против него или брата. Мой муж испугался... отступил, не желая скандала.

– Однако пустил в ход все средства, чтобы заполучить у них эти письма.

– Да, все средства пущены в ход... по крайней мере, я так думаю, потому что после разговора с Альфредом Вареном, в котором он изложил суть тех писем, между мужем и мной больше не существует никакой близости, никакого доверия. Мы живем как чужие.

– В таком случае, если вам нечего терять, чего вы боитесь?

– Какой бы поступок я ни совершила, для него я все еще та, которую он любил и мог бы еще любить. В этом я уверена, – прошептала она с жаром, – он и любил бы меня до сих пор, не подвернись ему эти проклятые письма...

– Ему удалось? Но ведь братья были очень осторожны!

– Да, хвастались даже, что у них есть надежный тайник.

– И что из этого?..

– У меня есть все основания думать, что мой муж нашел этот тайник!

– Надо же! Но где он находится?

– Здесь.

Я подскочил.

– Здесь?

– Да, я это всегда подозревала. Луи Лакомб, человек очень изобретательный, обожал в свободное время ради развлечений мастерить потайные ящики с замками. Братья Варен, видимо, заметили это, и впоследствии использовали один из его тайников для хранения писем... и, конечно, других вещей тоже.

– Но они же не жили здесь, – воскликнул я.

– Вы переехали сюда четыре месяца назад, а до этого особняк пустовал. Вполне возможно, что они приходили сюда и, наверное, решили, что ваше присутствие не мешает им забрать бумаги, когда это понадобится. Но они не приняли в расчет моего мужа, который в ночь с 22 на 23 июня взломал тайник, взял то, что искал, и оставил свою визитку, хотел показать братьям, что ему больше незачем их бояться и что роли поменялись. Через два дня, предупрежденный статьей в «Жиль Блаз», Этьен Варен спешно явился в ваш дом, остался один в этой гостиной, обнаружил, что тайник пуст, и покончил с собой.

Через секунду Даспри спросил:

– Это просто предположение, не так ли? Месье Андерматт ведь ничего вам не сказал?

– Нет.

– Его поведение по отношению к вам не изменилось? Не показался ли он вам помрачневшим, более озабоченным?

– Нет.

– Вы думаете, что он мог бы вести себя так, если бы нашел письма? Я думаю, что у него их нет. Мне кажется, сюда приходил не он.

– Но тогда кто же?

– Таинственный кукловод, неизвестная могущественная личность, дергающая за ниточки и преследующая свою цель, которую мы только начинаем угадывать сквозь туман неразгаданных загадок. Это он и его сообщники вошли в этот дом 22 июня, это он обнаружил тайник, это он оставил визитку месье Андерматта, и у него находятся письма и улики, подтверждающие предательство братьев Варен.

– Кто он? – перебил я, не сдержавшись.

– Корреспондент «Эко де Франс», черт возьми, этот Сальватор! Когда все так очевидно, разве мы не становимся слепы? Ведь он упоминает в своей статье детали, которые могут быть известны только тому, кто знает тайны братьев.

– В таком случае, – пробормотала мадам Андерматт с ужасом, – мои письма у него, и теперь его очередь угрожать моему мужу! Что делать, Боже мой?!

– Написать ему, – решительно заявил Даспри, – безоговорочно довериться ему, рассказать все, что вы знаете.

– Что вы говорите?

– Ваши интересы совпадают. Вне всякого сомнения, его действия направлены против оставшегося в живых брата Варена. Он ищет оружие, но не для борьбы с месье Андерматтом, а для того, чтобы уничтожить им Альфреда Варена. Помогите же ему.

– Как?

– У вашего мужа есть документ, который дополняет чертежи Луи Лакомба?

– Да.

– Сообщите об этом Сальватору. Если надо, постарайтесь раздобыть для него документ. Вступите с ним в переписку. Чем вы рискуете?

Совет был дерзкий и на первый взгляд даже опасный, но у мадам Андерматт не было иного выхода. К тому же, как говорил Даспри, чем она рисковала? Если кукловод был враждебно настроен к ней, то такой шаг не усугублял ситуации. Если он преследовавший какую-то свою цель, то не будет придавать этим письмам большого значения.

Как бы то ни было, появилась хоть какая-то надежда, и мадам Андерматт с большой радостью ухватила за нее. Она горячо поблагодарила нас, пообещав держать в курсе событий. И в самом деле, через день она прислала записку, которую получила в ответ на послание Сальватору:

Писем там не было. Но я их достану, будьте уверены. Я за всем слежу.
С.

Я рассмотрел бумагу, это был тот же почерк, что и в записке, подложенной мне в книгу вечером 22 июня. Значит, Даспри был прав, именно Сальватор оказался главным кукловодом в этом деле.

Наконец-то сквозь беспросветную тьму тайны стали пробиваться слабые лучи света, и отдельные детали событий предстали в неожиданном ракурсе. Но сколько еще оставалось темных пятен, таких, например, как находка двух семерок червей! Что до меня, то эти две карты не выходили у меня из головы. Какую роль играли они в этой драме? Какое значение следует им придавать? Ведь подводная лодка, построенная по чертежам Луи Лакомба, была названа «Семеркой червей».

Даспри же мало занимали эти две карты, он целиком погрузился в изучение другой загадки, решение которой ему казалось более важным делом: мой приятель без устали разыскивал пресловутый тайник.

– И кто знает, – говорил он, – не найду ли я в нем письма, которые не обнаружил там Сальватор скорее всего по невнимательности. Не верится, что братья Варен убрали из тайника столь бесценное оружие, значение которого понимали.

И он искал. Вскоре в большом зале не осталось неизведанных для него мест, и поиски переместились в другие комнаты особняка: он обследовал их снаружи и изнутри, осмотрел каменную и кирпичную кладку стен, приподнял шифер на крыше.

Однажды Даспри явился с киркой и лопатой; вручив мне лопату, оставил себе кирку и сказал, указав на пустырь:

– Туда.

Я пошел за ним без особого восторга. Он разделил площадку на несколько секторов и один за другим осмотрел их. В одном месте, в углу, образованном стенами соседних домов, его внимание привлекла горка бутовых камней, заросшая кустарником и травой. Даспри стал разгребать ее, мне пришлось помогать. Битый час под палящим солнцем мы раскидывали камни, но, когда добрались до земли, то начали копать ее, и кирка Даспри наткнулась на кости, останки человека, на которых еще болтались лохмотья одежды. Я побледнел от страха, заметив вдавленную в землю маленькую железную пластину, вырезанную в форме прямоугольника и, как мне показалось, на ней были пятна крови. Я был прав: пластина была по размеру с игральную карту, а на ней было семь пятен цвета сурика⁸

⁸ Сурик свинцовый – пигмент оранжевого или оранжево-красного цвета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.